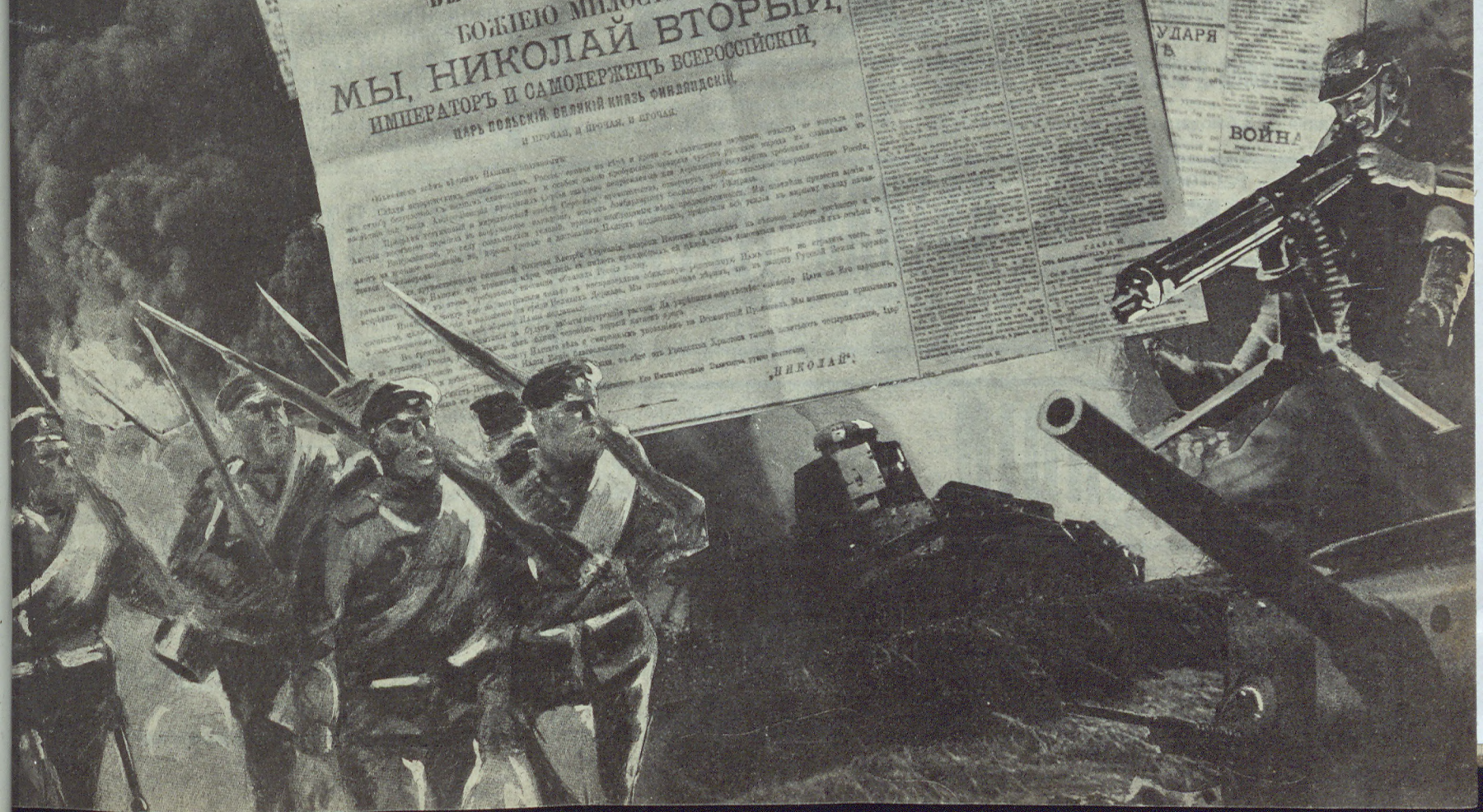

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССИЯ

Двадцатилетие Войны

Национальная Лотерея

1934 года

Продажа цѣлыхъ билетовъ и частей всѣхъ 40 серий

Всѣ порученія въ Россію

Торгсинь (3-8 дней съ обратной личной распиской)

Продукты, вещи новыя и ношенныя,
медикаменты и проч.

A. GODOVANNIKOFF

30, Quai de Passy, PARIS - 16°
Téléph. JASMIN 01-50 - Métro: PASSY
Adr. Télégr.: Godovannikoff-Paris

RESTAURANT «CHEZ KORNILOFF»

6, Rue d'Armaillé, prolongement av. Carnot. Tél.: Etoile 52-49

Ф. Д. Корниловъ проситъ своихъ друзей и многоуважаемыхъ клиентовъ оказать ему вниманіе посѣщеніемъ его ресторана, гдѣ ихъ ждетъ радушный пріемъ и изысканный столъ.

Какъ всегда

гостепріимно и обильно

“МОСКВА”

Старѣйшій русскій ресторанъ въ Парижѣ
7, rue Racquet (около Etoile), tél. Passy 21-25.

Завтраки — 3 блюда, вино и кофе 16 фр. Обѣды — 4 блюда 18 фр. Дир. Н. Борисовъ.

РЕСТОРАНЪ

КИЕВЪ ЛѢТНЯЯ ТЕРРАСА

83, AVENUE WAGRAM

Завтракъ 3 блюда 12 фр. Обѣдъ 4 блюда 16 фр.

Отдѣльн. помѣщенія для заказ. обѣдовъ. Тел.: Вагр. 07-88.

MON JARDIN

Завтраки и обѣды.

вновь открытый русско-
французскій ресторанъ

ЛѢТНІЙ САДЪ

34, r. de Bruxelles (Pl. Clichy)

Prix-fixe 7.50 et à la carte.

ВОТЪ ГДѢ КОРМЯТЬ!!!

РЕСТОРАНЪ «CHEZ MÈNE»

9, r. Général Lanrezac et 2, r. Arc de Triomphe, près de l'Av. M.-Mah.

Во вновь расширенномъ и попрежнему уютномъ ресторанѣ
Вы найдете за 7 фр. prix-fixe, обильный выборъ вкусныхъ блюдъ.
Хозяйка Comtesse de Beaurepaire и привѣтливый директоръ Саша Германъ.

Banque Industrielle du Centre

Tél.: Rich. 39-30. 85, rue Richelieu
Paris (2)

Старѣйшій банкъ по переводу денегъ
въ Россію въ любой валютѣ.

Продовольств. посылки. Переводы и чеки на Торгсинь. ПРОДАЖА БИЛЕТОВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛОТЕРЕИ всѣхъ выпусковъ, цѣлыми, четвертями и десятиями частями билета. — Русскій проспектъ по требованію.
КОРРЕСП. ПО-РУССКИ.

PILOSTYL PROF. GRAMOND

приготовл. согласн. научныхъ работъ:
Brown-Sequard, Barot, Taff, Helner, Kronfeld, Draggendorf, Metchnikoff, и др. Научн. препаратъ, испытанный въ Парижск. клиникахъ. Средство прот. полов. неврастени и безсил. Дѣйстви тельн. результ. никакой опасн. для здоровья. П. 25 фр. Депо для продажи: Grande Pharmacie du Progrès: 61, av. de Choisy (13). Выс. по пол. стоим.

Винно-гастрономическій магазинъ

ETOILE

33, rue Pierre-Demours et 61, av. Niel. M-o Pereire. Tél.: Galv. 58-49

Всѣ лучш. продукты, вина, ликеры, водки. Получены русск. свѣж. огурцы и укропъ. Дост. на домъ. Цѣны внѣ конкуренціи.
Влад. ЦВИРКО

КВАСЪ

хлѣбный, лимонный и
клюквенный.

Поставка въ рестораны
продажа въ розницу.

Данске, 26-ter, rue Viola (во дв.)

ПРОД. И ВЕЩ. ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ
ДЕНЕЖН. ПЕРЕВОДЫ на Торгсинь.

ЗЕМСКІЙ СОЮЗЪ

UNION DES ZEMSTVOS RUSSES
73, rue de la Victoire, Paris (9°); Tél.:
Trinité 52-73 et 52-74.
Métro: Ch. d'Antin et Trinité.

Пансіонъ Танагосъ

ДЗИНТАРИ, Единбургскій просп. № 11
РАСПОЛОЖ. ОКОЛО ДЮНЬ И ЛЬСА
Всѣ комнаты вновь отремонтированы.

Образцовая кухня.

Съ почтеніемъ

Латвія.

Евгенія Танагосъ

КНИЖНОЕ ДѢЛО

Ш. МИЛЬШТЕЙНЪ, Кишиневъ

(Румынія)

Ген. предст. «Иллюстрированной Россіи».
Всѣ новинки русск. книжнаго рынка
Книги довоенныхъ изданій.

Списки книгъ по первому требованію
S. Milstein, Chisinai, str. Stefan cel
Mare, 146.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

А. И. Деникинъ

РОССІЯ НЕ ОТВѢТСТВЕННА за МІРОВУЮ ВОЙНУ

Двадцать лѣтъ тому назадъ, повинувась историческому долгу великой славянской державы, Россія взяла подъ свою защиту маленькую, героическую Сербію, которую Австрія собиралась стереть съ лица земли, и приняла вызовъ центральныхъ державъ. Такъ началась міровая война, ввергшая въ хаосъ вселенную и закончившаяся крушеніемъ национальной Россіи. Отдавъ миллионы лучшихъ своихъ сыновъ за торжество общаго дѣла, Россія обезсилѣла въ борьбѣ и была вынуждена склониться предъ напоромъ темныхъ силъ, которая держатъ нашу Родину до сихъ поръ въ унижительномъ плѣну.

Благоговѣнно преклоняя головы предъ памятью безчисленныхъ павшихъ за истекшіе двадцать кровавыхъ лѣтъ, мы можемъ черпать утѣшеніе въ сознаніи, что наша Родина исполнила свой долгъ до конца.

Россія не хотѣла войны и вела ее не какъ завоевательница слабѣйшаго, какъ вѣрная исполнительница прикатыхъ на себя предъ своими союзниками обязательствъ. Въ виду того, что вопросъ объ отвѣтственности за міровую войну про-должаетъ привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, мы отводимъ первыя страницы нашего номера, посвященнаго двадцатилѣтнію міровой войны, докладу генерала А. И. Деникина, прочитанному въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Парижѣ и вызвавшему, вслѣдствіе высокой авторитетности автора, къ себѣ исключительный интересъ.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

О происхожденіи войны создалась огромная литература, опирающаяся на официальные сборники дипломатическихъ документовъ и воспоминанія почти всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой міровой трагедіи. И, тѣмъ не менѣе, многіе изслѣдователи вопроса о причинахъ міровой войны и ея виновникахъ находятъ еще и теперь подъ давленіемъ своихъ личныхъ или же національно-патриотическихъ эмоцій. Однако, за исключеніемъ двухъ-трехъ спорныхъ или гемныхъ мѣстъ въ календарѣ роковыхъ событій 1914 года, «происхождение войны» въ главныхъ своихъ этапахъ документировано и освѣщено теперь уже въ достаточной мѣрѣ. Поэтому можно питать твердую увѣренность, что исторія, отбросивъ все спорное, личное, утвердить приговоръ, произнесенный въ 1918 г. въ Версалѣ.

Отдаленными причинами міровой войны являются погоня великихъ державъ за колоніями и необычайное развитіе нѣмецкаго торговаго мореплаванія, вызванное желаніемъ императора Вильгельма II обратить Германію въ первоклассную морскую имперію. Бурный подъемъ, который охватилъ германскій народъ въ области «промышленнаго империализма», быть можетъ, и не былъ бы столь опаснымъ, если бы не являлся послѣдствіемъ особаго духовнаго подъема Германіи, признанія ею за собою исторической миссии обновленія дряхлой Европы и сознанія своего преносходства надъ всѣми остальными народами. Планъ «поджога Европы» при посредствѣ Австріи, за спиною которой стояла Германія, созрѣлъ окончательно въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ въ 1906 г.

Вся совокупность изложенныхъ обстоятельствъ обусловила ту систему союзовъ, которая ко времени міровой войны опредѣля-

лась противоборствомъ двухъ основныхъ группировокъ: Тройственного Союза и Двойственного Соглашенія. Основная мысль франко-русскаго союза носила чисто оборонительный характеръ. Между Россіей и Англіей никакихъ опредѣленныхъ договорныхъ отношеній на случай европейской войны не было. Поэтому наканунѣ міровой войны никто не зналъ опредѣленно, скажетъ ли Англія «да» или «нѣтъ» и скажетъ ли это своевременно.

Болѣе же близкими причинами міровой войны явились ростъ вооруженій во всѣхъ странахъ и неудачная для Россіи война съ Японіей. Она нарушила въ корнѣ бывшее европейское равновѣсіе и приблизила роковую развязку. Въ 1914 году русская армія была недостаточно сильна и снабжена всѣмъ необходимымъ для защиты страны. Однако, отказъ Россіи отъ вооруженій не могъ не предотвратить, ни отдалить развитія событій на Балканскомъ полуостровѣ. Неприкосновенность, цѣлость и развитіе Россійской Имперіи не обезпечивалось никакими гарантіями даже при условіи ея полного нейтралитета въ отвѣтъ на австро-германскую экспансію.

Германскій планъ войны, окончательно выработанный ген. гр. Мольтке, предусматривалъ нанесеніе первоначальнаго удара главными нѣмецкими силами по Франціи и активную оборону Восточной Пруссіи противъ Россіи. Мольтке надѣялся покончить съ Франціей въ теченіе шести недѣль послѣ открытія военныхъ дѣйствій или же, во всякомъ случаѣ, преслѣдовать за это время настолько, чтобы перебросить большую часть германскихъ силъ противъ Россіи.

Въ противоположность этимъ настроеніямъ и подъ вліяніемъ неудачъ русско-японской войны, верхи русскаго генеральнаго штаба были въ предвоенные го-

ды охвачены пессимистическимъ настроеніемъ. То-же настроеніе господствовало и въ нашихъ дипломатическихъ кругахъ. Въ этой атмосферѣ Германіи и Австріи удалось осуществить серьезнѣйшую провокацію, едва не зажегшую въ концѣ 1907 г. мірового пожара — аннексія Босніи и Герцеговины.

Не менѣе тревожное настроеніе царило въ Россіи и въ 1912-1912 г., когда балканскіе славяне разрушали послѣдніе оковы турецкаго ига и Австро-Венгріи своимъ вмѣшательствомъ въ балканскія дѣла стремилась умалить результаты ихъ побѣдъ. Но, несмотря на то, что новое положеніе на Балканахъ, вызванное разгромомъ Турціи, а также вопросъ о судьбѣ проливовъ затрагивали наиболѣе жизненные интересы Россіи, какъ великой европейской и славянской державы, — русское правительство и въ этотъ тревожный періодъ не пошло по пути рискованныхъ экспериментовъ и, не желая вызывать европейской войны, временно отказывалась отъ цѣлей, завѣтныхъ для многихъ русскихъ поколѣній.

Эта уступчивость русскаго правительства вызывала не разъ удивленіе въ средѣ руководителей политики дружественныхъ намъ державъ и острое броженіе и недовольство въ широкихъ кругахъ русскаго общества, не скрывавшаго своихъ славянскихъ симпатій. И, несмотря на временное замрзненіе, наступившее на Балканахъ, благодаря усиленію Лондонской конференціи, въ Европѣ повсюду царилъ глубокой пессимизмъ и гнетущая увѣренность, что рѣшительно ничего не кончилось, а только еще начинается.

МАЛОКРОВІЕ

НЕВРАСТЕНІЯ, СЛАБОСТЬ
Сиропъ ДЕЩІБЕНЪ на гемоглобинѣ
возстановитель крови, рекоменд. луч. врач.

ПРІЪЗДЪ Р. ПУАНКАРРЭ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ

На пристани у Николаевского моста главу французскаго правительства встрѣчаютъ: предс. сов. мин. гр. В. Н. Коковцовъ и мин. ин. дѣлъ С. Д. Сазоновъ

ВТОРАЯ ЧАСТЬ ДОКЛАДА.

28 іюня 1914 года раздался Сараевскій выстрѣлъ. Какъ откликъ на долгіе годы австро-мадьярскаго режима, какъ слѣдствіе національнаго подъема австрійскихъ южныхъ славянъ, какъ результатъ революціонно-освободительной дѣятельности, охватившей почти всю славянскую молодежь, въ особенности, въ захваченныхъ австрійцами Босніи и Герцоговинахъ.

Эрцгерцогъ Фердинандъ, не взирая на многочисленныя предостереженія, пріѣхалъ на маневры, производившіеся на сербской границѣ, и посѣтилъ Сараево въ Видовъ день, который въ томъ году особенно торжественно праздновала вся Сербія. Это сочтено было вызовомъ.

По дорогѣ въ городскую думу въ экипажъ эрцгерцога брошена была бомба Чабриновичемъ и не достигла цѣли. На обратномъ пути Принципъ — австрійскій подданный — нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера убилъ эрцгерцога и его жену...

Произведенное тотчасъ же слѣдствіе и потомъ судебный процессъ, несмотря на всѣ усилія австрійскихъ властей замѣшать въ дѣло сербское правительство, установили полную его непричастность. Позднѣйшія австрійскія легенды, связанныя съ дѣятельностью тайнаго общества «Черная рука», возглавлявшагося начальн. развѣдыв. отд. сербскаго генеральн. штаба, полковникомъ Димитріевичемъ, лишены всякаго основанія. Ибо Димитріевичъ былъ въ одинаковой степени враждебенъ и австрійцамъ, и сербскимъ радикаламъ, въ частности Пашичу. И въ 1917 году, послѣ не первой уже попытки свергнуть правительство, былъ судимъ въ Салоникахъ и казненъ.

Историки занимаются другою легендою — о соучастіи въ убійствѣ эрцгерцога австрійской полиціи, которая, будто бы, знала и не помѣшала... Наслѣдникъ престола, эрц-

герцогъ Фердинандъ былъ человекомъ чрезвычайно вспыльчивымъ и неуравновѣженнымъ. Его сумбурная частная жизнь, морганатическій бракъ и всѣ его сумасбродства терроризировали вѣнскій дворъ и заставляли престарѣлаго Франца-Іосифа опасаться его вступленія на престолъ.

Вторая легенда въ этой характеристикѣ эрцгерцога видитъ ключъ къ разгадкѣ знаменательной фразы, произнесенной императоромъ, когда онъ узналъ о смерти престолонаслѣдника:

— Я хотѣлъ измѣнить ходъ вещей, но судьба поставила все на свое мѣсто...

И закутился роковой фильмъ во дворцахъ и канцеляріяхъ Вѣны и Берлина, скрытый тогда отъ взоровъ непосвященныхъ и только много времени спустя ставшій общественнымъ достояніемъ.

Прежде чѣмъ принять окончательное рѣшеніе, Австро-Венгрія пожелала знать — на какую поддержку Германія она можетъ рассчитывать. Бертольдъ отправилъ въ Берлинъ два документа-меморандума о новомъ направленіи балканской политики Австріи (заготовленный до убійства) и собственноручное письмо Франца-Іосифа. Основная мысль ихъ опредѣляется фразой: «нужно, чтобы Сербія, которая является нынѣ главнымъ двигателемъ панъ-славянской политики, была уничтожена, какъ политическій факторъ на Балканахъ».

5 іюля, ознакомившись съ этими документами, Вильгельмъ заявилъ австро-венгерскому послу Сечени:

— Если бы дѣло дошло даже до войны Австро-Венгрии и Россіи, вы можете быть увѣрены, что Германія съ обычной союзнической вѣрностью станетъ на вашу сторону. Россія, впрочемъ, не готова къ войнѣ и сильно призадумается прежде, чѣмъ обратиться къ оружію... Если въ Австріи необходимость военныхъ дѣйствій противъ Сербіи признана неотложной, было бы жал-

ко упустить столь благоприятный случай.

Канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ вторилъ императору:

— Самой Австріи принадлежитъ право избрать способъ дѣйствій. Но она можетъ съ увѣренностью рассчитывать на Германію, каково бы ни было ея рѣшеніе.

Предоставивъ, такимъ образомъ, Австріи свободу дѣйствій, переговоривъ предваритель-но съ канцлеромъ, военными и морскими властями, а также и съ Крупномъ, императоръ отбылъ на отдыхъ въ шхеры Сѣвернаго моря. Объ этомъ эпизодѣ онъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «канцлеръ Бетманъ коротко и ясно заявилъ мнѣ, что, если я откажусь отъ возвышенной уже поѣздки, то это заставитъ считать положеніе еще серьезнѣе, чѣмъ оно есть, и, быть можетъ, приведетъ къ войнѣ, ответственность за которую смогу возложить на меня»...

Между тѣмъ, послѣ первыхъ же вѣстей изъ Берлина, 7 іюля состоялось совѣщаніе австрійскаго правительства, на которомъ признана была неизбежность вовлеченія въ войну Франціи и Россіи, разсмотрѣно соотпосленіе силъ сторонъ, причемъ военный министръ заявилъ, что оно «въ будущемъ измѣнится рѣзко не въ нашу пользу», потому надо начинать войну немедленно. А на совѣщаніи 19 іюля вопросъ о войнѣ съ Сербіей былъ рѣшенъ окончательно, причемъ принята была резолюція, гласящая о декларированіи территориальную незанятость Австріи и отсутствіе у нея намѣренія аннексировать Сербію. Не гласитъ же, для внутренняго употребленія, постановлено было: считать, что это рѣшеніе не исключаетъ стратегическаго исправленія границъ, временной оккупации, равно какъ уменьшеніе Сербіи въ пользу другихъ государствъ... Не исключается возможность поставить Сербію въ зависимыя отношенія къ монархіи путемъ сверженія династии, военной конвенціи и другихъ мѣръ».

Даже Бетманъ на поляхъ депеши, сообщавшей объ этихъ постановленіяхъ, сдѣлалъ помѣтку: «Невыносимое лицезрѣніе!» Тѣмъ не менѣе, германское правительство десяти-ки разъ потомъ въ своихъ переговорахъ съ державами выдвигало тезисъ австрійской «незайнтересованности», какъ оправданіе и прикрытіе для нападенія на Сербію.

Основные положенія ультиматума были выработаны еще 11 іюля и сообщены Берлину, но предъявленіе его задерживалось. Это безпокоило Берлинъ. Дѣло въ томъ, что 20 іюля ожидался пріѣздъ въ Петербургъ президента французской республики Пуанкаре, и Бертольдъ телеграфировалъ въ Берлинъ (15 іюля): «Было бы неумно предпринимать опредѣленные шаги въ Бѣградѣ въ то время, когда миролюбивый и осторожный императоръ Николай и благоразумный Сазоновъ будутъ предоставлены непосредственному влиянію этихъ двухъ подстрекателей — Извольскаго и Пуанкаре». На докладѣ по этому поводу имѣется помѣтка Вильгельма: «Какъ жалъ!» И въ тотъ же день гр. Сечени телеграфируетъ Бертольду: «Мин. ин. дѣлъ (фонъ Яговъ) крайне сожалѣетъ объ этой отсрочкѣ и опасается, что сочувственное отношеніе и интересъ къ этому шагу въ Германіи могутъ ослабѣть»...

22 іюля германское правительство было ознакомлено съ полнымъ текстомъ ультиматума и не возражало. Вечеромъ 23 іюля французскій президентъ покидалъ Кронштадтъ, и въ то же самое время въ Бѣлградѣ

дѣ предъявленъ былъ Сербіи ультиматумъ, для выполненія котораго давался 48-часовой срокъ .

Австрійскій ультиматумъ, явно вызывающій и оскорбительный и по формѣ, обвинялъ сербское правительство въ «поддержкѣ революціоннаго движенія, направленнаго противъ монархіи» и, кромѣ каръ по отношенію къ сербскимъ подданнымъ, замѣшаннымъ въ дѣлѣ объ убійствѣ, ставилъ длинный рядъ требованій небывалыхъ и унижательныхъ для сувереннаго государства: недопущеніе печатныхъ произведеній и закрытіе обществъ, возбуждающихъ противъ Австро-Венгріи; немедленное исключеніе со службы всѣхъ офицеровъ и чиновниковъ, имена которыхъ укажетъ австро-венгерское правительство, какъ «ведущихъ пропаганду противъ Австріи» и т. д. Пунктъ 5 требовалъ учрежденія въ самой Сербіи «австро-венгерскихъ органовъ для сотрудничества въ подавленіи революціонныхъ движеній противъ (австр.-венг.) монархіи»; пунктъ 6 — допущенія австрійскихъ чиновниковъ къ производству слѣдствія противъ находящихся на сербской территоріи предполагаемыхъ участниковъ сараевского убійства...

Ультиматумъ повсюду произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе:

— Это — европейская война!

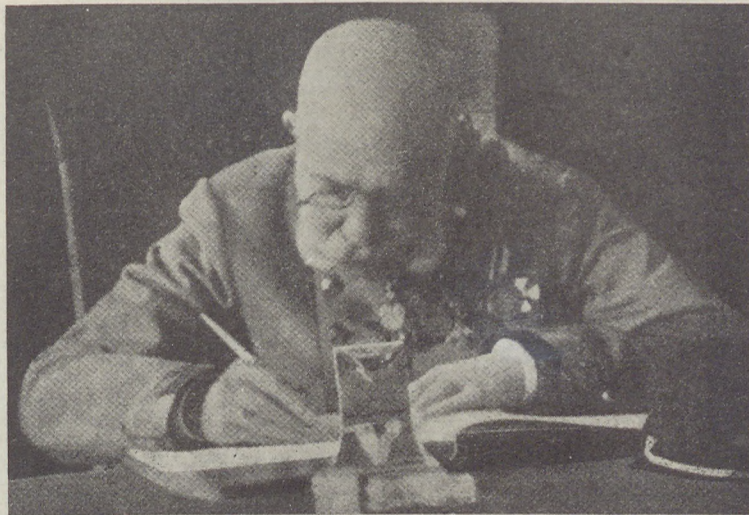
Австро-Венгрія сжигала за собою мосты. Ки. Штольбергъ, софѣтникъ германскаго посольства въ Вѣнѣ доносилъ своему министру (18 іюля): «На мой вопросъ — а если дѣло опять ничѣмъ не кончится? — гр. Бертольдъ высказалъ мнѣніе, что тогда пришлось бы при фактическомъ выполненіи отдѣльныхъ требованій прибѣгать къ придираньямъ... А Хойсъ, директоръ его кабинета, успокоилъ Штольберга: «Требованія таковы, что государство, обладающее хотя бы нѣкоторымъ самолюбіемъ и чувствомъ собственного достоинства, никакъ принять ихъ не можетъ».

Сербскій королевичъ — регентъ обратился телеграфно къ государю съ просьбой о помощи, вручая въ его руки судьбу страны. Русское правительство употребило прежде всего всѣ усилія, чтобы отдалить срокъ ультиматума, но встрѣтило категорическій отказъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ сербскимъ посланникомъ Спалайковичемъ и въ своихъ телеграммахъ въ Бѣлградъ Сазоновъ, не давая никакихъ конкретныхъ обязательствъ, совѣтовалъ сербскому правительству принять всѣ австрійскія требованія, не посягая на суверенныя права Сербіи (такой же совѣтъ преподали Англіи и Франція), а, въ совѣтъ преподали Англіи и Франція), а, въ случаѣ австрійскаго наступленія, не приходящая боя, отходить вглубь страны, обратившись съ протестомъ къ державамъ. Въ этихъ заявленіяхъ, въ правительственномъ сообщеніи прозвучалъ лишь твердо и определенно одинъ мотивъ, повторенный и въ отвѣтной телеграммѣ Государя отъ 17 іюля, т. е. уже послѣ сербскаго отвѣта на ультиматумъ:

«...Пока остается хоть малѣйшая надежда на избѣжаніе кровопролитія, — писалъ Государь — всѣ мои усилія будутъ направлены къ этой цѣли. Если же... мы ее не достигнемъ, Ваше Высочество можете быть увѣрены, что Россія ни въ какомъ случаѣ не останется равнодушной къ участи Сербіи».

Въ положенный срокъ, сербское правительство вручило австрійскому представителю въ Бѣлградѣ свой отвѣтъ. Оно приняло съ незначительными оговорками восемь

ИМПЕРАТОРЪ ФРАНЦЪ - ЮСИФЪ

пунктовъ австрійскихъ требованій, по пункту 5-му допускало «сотрудничество въ Сербіи австро-венгерскихъ органовъ, соответствующее нормамъ международнаго права», и только отъ пункта 6-го отказалось, заявивъ, что участіе агентовъ австро-венгерскаго правительства въ слѣдственномъ производствѣ противорѣчитъ конституціи страны и законамъ объ уголовномъ производствѣ».

Сербскій отвѣтъ, по своей крайней уступчивости, произвелъ большое впечатлѣніе повсюду. Даже Вильгельмъ сдѣлалъ помѣтку на докладѣ: «Большой моральный успѣхъ Вѣны, но онъ исключаетъ всякій поводъ къ войнѣ». Это были минуты, очень недолгія, впрочемъ, прозрѣнія. Ибо въ Вѣнѣ все уже было предрѣшено въ согласіи съ Берлиномъ. Не запрашивая даже своего министерства, австро-венгерская миссія, по полученія сербскаго отвѣта, спѣшно покинула Бѣлградъ. Итакъ, разрывъ.

Въ ближайшіе семь дней пришли въ дѣйствіе всѣ силы, всѣ тайныя и явныя вліянія.

Россія дѣлаетъ попытки непосредственными сношеніями съ Австріей склонить ее къ возобновленію переговоровъ на базѣ сербскаго отвѣта. вмѣстѣ съ тѣмъ, считая, что конфликтъ имѣетъ характеръ обще-европейскій, Россія согласна устранить себя и предоставить рѣшеніе вопроса 4-мъ великимъ державамъ. Сазоновъ встрѣчаетъ категорическій отказъ, и всѣ дальнѣйшія попытки его столь же бзуспѣшны, такъ какъ австрійскій посолъ въ Петроградѣ гр. Сапари имѣетъ секретную инструкцію Бертольда «вести разговоры ни къ чему не обязывающіе, отдѣляясь общими мѣстами»...

Англія, поддержанная Франціей и Италіей, предлагаетъ Вѣнѣ и уговариваетъ Берлинъ — передать конфликтъ на обсужденіе конференціи 4-хъ великихъ державъ, съ приостановкой на все время конференціи военныхъ дѣйствій. Берлинъ категорически отказывается, считая, что вопросъ долженъ быть разрѣшенъ между Австріей и Сербіей, а гр. Сечени телеграфируетъ въ Вѣну: «намъ совѣтуютъ выступить немедленно, поставивъ миръ передъ совершившимся фактомъ»... Всеобщее мнѣніе, что разрѣшеніе задачи надо искать прежде всего въ Берлинѣ, и потому Грей 27-го повторяетъ свое предложеніе. Бетманъ отвѣчаетъ, что онъ не преминетъ воздѣйствовать на Вѣну «въ духѣ, желательномъ сэру Эд. Грею». Воздѣйствіе это выражается въ томъ, что канцлеръ запрашиваетъ

мнѣніе Бертольда, присовокупляя: «отказываясь отъ всякаго мирнаго предложенія, мы станемъ въ глазахъ внѣшняго міра виновниками войны. Это сдѣлаетъ невозможнымъ наше положеніе и внутри страны, гдѣ мы должны считаться противниками войны». Эта официальная телеграмма сопровождалась другой — гр. Сечени: «германское правительство увѣряетъ самымъ категорическимъ образомъ, что оно совершенно не согласно съ предложеніемъ (Грея), что оно категорически противъ него и переслало только для отбытія номера».

При такихъ обстоятельствахъ Австро-Венгрія, отвергнувъ и русское, и англійское предложеніе, 28 іюля объявила войну Сербіи.

Русское министерство ин. дѣлъ находилось, конечно, въ постоянной и тѣсной связи съ парижскимъ и лондонскимъ кабинетами. Что касается отношеній Франціи, то въ истинномъ характерѣ ихъ сомнѣваться не приходилось. Историки спорятъ еще по поводу того, насколько умѣряющимъ или, наоборотъ, «подталкивающимъ» было вліяніе Парижа на Петербургъ, насколько правильно было освѣдомленіе, исходившее отъ французскаго посла Палеолога — съ одной стороны, и соответственные шаги его въ Петербургѣ инструкціямъ правительства — съ другой. Но, если и были формальныя расхожденія во французскихъ правившихъ кругахъ, въ одномъ тамъ не было расхожденія, по крайней мѣрѣ, съ 1912 года: что балканскій вопросъ — лишь часть общеевропейскаго, что жизненные интересы и Россіи, и Франціи находятся подъ угрозой и судьбы ихъ связаны неразрывно. И русское правительство изъ официальныхъ и интимныхъ заявленій Пуанкарэ, Вивіани, Палеолога, изъ донесеній Извольскаго — знало совершенно опредѣленно, что Франція «исполнитъ свои союзныя обязательства».

Гораздо менѣе опредѣленнымъ было отношеніе Англіи. Правда, что Сазоновъ получалъ обнадеживающую информацию отъ нашего лондонскаго посла... Правда, что Грей не возражалъ противъ русской мобилизаціи, а англійскій флотъ Сѣвернаго моря, закончившій большіе маневры, не былъ распущенъ, и въ боевой готовности сосредоточился у Скапа Флоу... Но того Слова, котораго въ теченіе многихъ дней добивались Сазоновъ, Пуанкарэ, Вивіани, Камбонъ — официальнаго заявленія Англіи о солидарности съ Россіей и Франціей — слова, которое ясно и, главное, своевременно сказанное, по глубокому убѣжденію очень мно-

ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ II

Главнокомандующій восточнымъ фронтомъ ген. Бенкендорфъ-фонъ-Гинденбургъ и нач. его штаба ген. Лудендорфъ.

гихъ, могло бы остановить австро-германское безуміе, такого Слова все еще сказано не было. Наоборотъ, 25 іюля англійскій король имѣлъ неосторожность сказать принцу Генриху, брату Вильгельма:

— Мы дѣлаемъ все, что возможно, чтобы отойти въ сторону. И мы останемся нейтральными.

Но 29-го обстоятельства измѣнились. Въ этотъ день Лондонъ предложилъ Берлину новый выходъ, отчасти совпадавшій съ высказанной накануне мыслью Вильгельма — «Halt in Belgrad». Грей допуская занятіе Австро-Венгріей «въ качествѣ залога» части сербской территории съ Бѣлградомъ и приостановку затѣмъ дальнѣйшаго движенія — впредь до выясненія результатовъ посредничества державъ. При этомъ впервые послышалась угроза: въ случаѣ, если Германия и Франція будутъ вовлечены въ конфликтъ, для Англии невозможно будетъ оставаться безучастной.

Только въ этотъ день въ Берлинѣ почувствовали тревогу. Съ ночи на 30-е и по 31-е канцлеръ бомбардируетъ Вѣну телеграммами, въ которыхъ дается поздній, не слишкомъ рѣшительный и неискренній совѣтъ — принять англійское предложеніе. Неискренній потому что, вмѣсто категорическаго требованія мира, въ телеграммахъ то посылаемыхъ, то отмѣняемыхъ, повторяется все тотъ же старый мотивъ: «если Вѣна откажется отъ всякихъ предложеній — писалъ Бетманъ — невозможно будетъ свалить на одну Россію одіумъ войны, которая можетъ вспыхнуть»...

Толкнуть Россію на первый шагъ — вотъ главная и единственная забота.

А въ то же самое время, параллельно идутъ другіе разговоры, выносятся иныя рѣшенія... Многіе историки утверждаютъ, что

еще 27-го вечеромъ въ Потсдамѣ состоялся военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Вильгельма, на которомъ постановлено было «разрѣшить споръ оружіемъ, чего бы это ни стоило». (Косвенное подтвержденіе — въ дневникѣ воен. мин. Фалькенгайна). Отчета объ этомъ совѣтѣ не обнаружено, а пѣмцы отвергаютъ самый фактъ. Но, какъ бы то ни было, 30 іюля австрійскій военный агентъ Бинертъ, по порученію ген. Мольтке, телеграфируетъ ген. Конраду: «Всякая потерянная минута, усиливаетъ опасность положенія, давая преимуществу Россіи... Отвергните мирныя предложенія Великобританіи. Европейская война — это послѣдній шансъ на спасеніе Австро-Венгріи. Поддержка Германии вамъ абсолютно обезпечена». Въ ночь на 31-е самъ Мольтке телеграфировалъ: «Берегитесь русской мобилизации. Надо спастись Австро-Венгрію. Мобилизуйтесь немедленно противъ Россіи. Германия мобилизуется».

Въ полночь канцлеръ Бетманъ аннулировалъ всѣ свои предшествовавшія инструкции.

— Управление потеряно, и машина пришла въ дѣйствіе — сказали огъ.

Еще до полученія призыва Мольтке, вечеромъ 30-го совѣщаніе австро-венгерскаго правительства вынесло постановленіе, о которомъ въ протоколѣ говорится: «Его Величество немедленно заявилъ, что остановка военныхъ дѣйствій противъ Сербіи невозможно. Его Величество одобрилъ предложеніе — старательно избѣгать принятія по существу англійскаго предложенія, но формой отвѣта засвидѣтельствовать наши примирительныя настроенія»...

Въ тотъ же вечеръ ген. Конрадъ редактировалъ телеграмму по адресу ген. Мольтке (7 ч. 30 м. Отправл. 8 ч. ут. 31-го, послѣ полученія телегр. Мольтке): «По рѣшенію Его Величества постановлено мобилизовать ос-

тальную часть нашей арміи, сосредоточивъ ее въ Галиціи». Указъ объ общей мобилизаціи былъ опубликованъ на другой день, 31-го, въ 12 ч. 30 м. дня, за нѣсколько часовъ до полученія извѣстія о русской общей мобилизаціи.

Тотчасъ же послѣ разрыва между Австріей и Сербіей, и въ виду мобилизаціи австрійскихъ корпусовъ не только на сербской, но и на русской границѣ, на коронномъ совѣтѣ въ Царскомъ Селѣ 25 іюля постановлено было объявить «предмобилизаціонный періодъ», предусматривавшій возвращеніе частей изъ лагерей на постоянныя квартиры и провѣрку плановъ и мобилизаціонной части, по не давшему права ни явно, ни скрытно приступать къ фактической мобилизаціи. Въмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, предрѣшено было принципиально, въ случаѣ надобности, опредѣляемой министромъ ин. дѣлъ, произвести частію юмобилизацію 4-хъ военныхъ округовъ (Кіевск., Казанск., Московск. и Одесск.). Варшавскаго округа, граничившаго и съ Австріей, и съ Германіей, подымать не предполагалось, чтобы не давать повода послѣдней — увидѣть въ этомъ враждебность противъ нея.

Рѣшеніе относительно частной мобилизаціи могло быть принято лишь вслѣдствіе удивительной неосвѣдомленности военнаго министра, присутствовавшего на совѣтѣ. Дѣло въ томъ, что, принимая во вниманіе международную обстановку и извѣстныя тогда договорныя отношенія между Германіей и Австріей, русскій планъ войны предусматривалъ, какъ я уже говорилъ, только одну комбинацію — борьбу противъ соединенныхъ австро-германскихъ силъ. Плана частно-противоавстрійской мобилизаціи не существовало вовсе. Частная мобилизація являлась, поэтому, чистой импровизаціей и грозила бѣдствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ... 1) Наша мобилизація подымала полностью округа, а не отдѣльные корпуса. 2) Чисто территориальной системы комплектованія у насъ не существовало, и распредѣленіе запасныхъ сдѣлано было такъ, чтобы, напримѣръ, въ корпусахъ Варшавскаго округа было не болѣе 30 проц. польковъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ не болѣе трети туземнаго населенія и т. д. Такимъ образомъ, при частной мобилизаціи избытокъ запасныхъ западныхъ не-мобилизованныхъ округовъ не могъ бы идти на пополненіе внутреннихъ округовъ, избытокъ внутреннихъ округовъ не могъ бы идти на пополненіе не-мобилизованныхъ западныхъ округовъ. 3) Нѣкоторые корпуса Московскаго и Казанскаго округовъ по плану должны были сосредоточиваться въ Варшавскомъ округѣ, что при намѣченной частной мобилизаціи являлось невыполнимымъ. 4) Измѣненіе ж. д. графика, возможное еще при нормальномъ теченіи частной мобилизаціи, въ случаѣ необходимости до ея окончанія перейти къ общей, создало бы невѣроятную путаницу, перекрещиванія, «пробки» и, можетъ быть, полный параличъ транспорта. 5) Чрезвычайно опасной была мѣбра и въ отношеніи стратегическомъ, въ особенности принимаемая во вниманіе, что готовность русской арміи (20-30 день для главной массы) сильно запаздывала противъ австрійской (15 день) и въ особенности противъ германской (10 день). Частная мобилизація позволяла выставить противъ Австріи

только 13 корпусовъ, вмѣсто намѣченныхъ 16-ти. Наконецъ, что самое главное, еслибы Варшавскій округъ не былъ своевременно мобилизованъ, то южная часть его, прилегающая къ Австріи, оказалась бы беззащитной. А между тѣмъ, туда именно, между Бугомъ и Вислой, на фронтъ Аннополь-Сокаль (175 килом.) австро-венгерское командование направляла главный ударъ свои силами въ 28 1/2 дивизій.

При такихъ условіяхъ русскій генеральный штабъ, воплощавшій только с л у ж е б н о - г о с у д а р с т в е н н о е начало, почиталъ своимъ долгомъ настаивать передъ верховной властью на томъ, что единственно возможнымъ видомъ мобилизации является о б щ а я и что даже задержка въ объявленіи мобилизации будетъ менѣ опасной, нежели производство частной мобилизации.

Вопросу о русской мобилизации въ анналахъ исторіи происхожденія войны отведено очень много мѣста и вниманія. Причемъ толкуется онъ часто и вкривь, и вкось. Наши бывшіе противники лицемерно ставятъ этотъ вопросъ въ причинную связь съ объявленіемъ намъ войны Германіей, хотя, какъ мы видѣли, 30 іюля, накануне приступа Россіи къ общей мобилизации, все уже было предрѣшено ими.

Имъ вторялъ иногда, къ сожалѣнію, и русскіе люди, приписывая объявленіе общей мобилизации «авантюризму и милитаризму генераловъ» — одни по принципиальной враждебности къ такъ называемой «военщинѣ», другіе — просто по невѣдѣнію. Совершенно своеобразна въ этомъ отношеніи позиція Сухомлинова. Доживая свои дни въ Берлинѣ — въ угоду ли своимъ хозяевамъ, въ отместку ли осудившей его родинѣ — онъ старался во многомъ переложить вину за событія съ нѣмецкой головы на русскійскую. Въ частности, по поводу совѣщанія 30 іюля, о которомъ я скажу дальше, и которое приняло рѣшеніе объ общей мобилизации, Сухомлиновъ увѣряетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что онъ на совѣщаніе не привлекался, что рѣшеніе вынесено безъ его вѣдома и противъ его желанія, подъ давленіемъ военной партіи... Между тѣмъ, фактъ его участія установленъ вполне: его удостовѣряетъ Сазоновъ, Базили, ген. Даниловъ, наконецъ, официальный дневникъ министерства иностр. дѣлъ.

Покойный Набоковъ — человекъ почтенный — писалъ, что Сухомлиновъ и Янушкевичъ обманули, будто бы, Государя, не исполнили его приказа и объявили общую мобилизацию. Въ этомъ родѣ говорить и Ганъ въ своей книгѣ «Россія и Большевиизмъ»...

Въ такомъ важномъ вопросѣ сужденія даже безответственныхъ лицъ, вынесенныя на страницы печати, являются морально отвѣственными, ибо охотно подхватываются тѣми, кто жаждетъ переложить свою вину на чужія плечи. **Оцѣнка фактовъ** — это вопросъ совѣсти и пониманія, но нужно, чтобы это были ф а к т ы . . .

Что же происходило на самомъ дѣлѣ въ Петроградѣ въ эти трагическіе дни?

28-го приходитъ извѣстіе объ объявленіи Австріей войны Сербіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, — отказъ Бертольда отъ прямыхъ переговоровъ съ Петербургомъ. Сазоновъ, считая невозможнымъ медлить, на основаніи постановленій отъ 25-го, даетъ указаніе генеральному штабу о производствѣ мобилизации. Послѣ совѣщанія начальника генер. штаба ген. Янушкевича съ начальниками отдѣловъ и

РУССКІЙ ПОСОЛЬ ВЪ ПАРИЖѢ ИЗВОЛЬСКІЙ

по настоянію послѣднихъ изготавляются къ подписи два проекта Высочайшаго указа — для о б щ е й и для ч а с т н о й мобилизации, которые, вмѣстѣ съ объяснительнымъ докладомъ, отправляются въ Царское Село. 29-го утромъ возвращается подписанный Государемъ указъ о б щ е й мобилизации.

Въ этотъ день, когда Россія не приступала еще ни къ какой мобилизации, германскій посоль Пурталесъ вручилъ Сазонову ультимативное заявленіе о принятіи его правительствомъ, согласно просьбѣ Австріи, рѣшеніи: «продолженіе военныхъ приготовленій Россіи заставитъ насъ мобилизоваться и тогда едва ли удастся избѣжать европейской войны».

Между тѣмъ, въ 9 час. вечера, когда нач. мобил. отд., ген. Добророльскій на центральномъ телеграфѣ готовился уже передать на десятки аппаратовъ Высочайшій указъ, пришла отмѣна: Государь повелѣлъ взаимнѣ общей мобилизации объявить ч а с т н у ю, которая и началась съ полночи на 30 іюля.

Государь принялъ такое рѣшеніе подъ влияніемъ телеграммы императора Вильгельма, которая давала нѣкоторую надежду на то, что имъ оказано будетъ давленіе на Вѣну. Въ своей телеграммѣ Вильгельму Государь предложилъ перенести рѣшеніе австро-сербскаго конфликта на разсмотрѣніе Гаггской конференціи. На этой телеграммѣ имѣется помѣтка Вильгельма — жаргонное слово, въ смягченномъ переводѣ означающее — «безсмыслица»... Относительно Гааги онъ не отвѣтилъ вовсе, указавъ на тяжкія послѣдствія, которыя вызовутъ русская мобилизация и закончилъ: «Теперь вся тяжесть рѣшенія легла на Твои плечи, и Ты несешь отвѣтственность за войну или миръ».

На этомъ переписка державныхъ главъ окончилась.

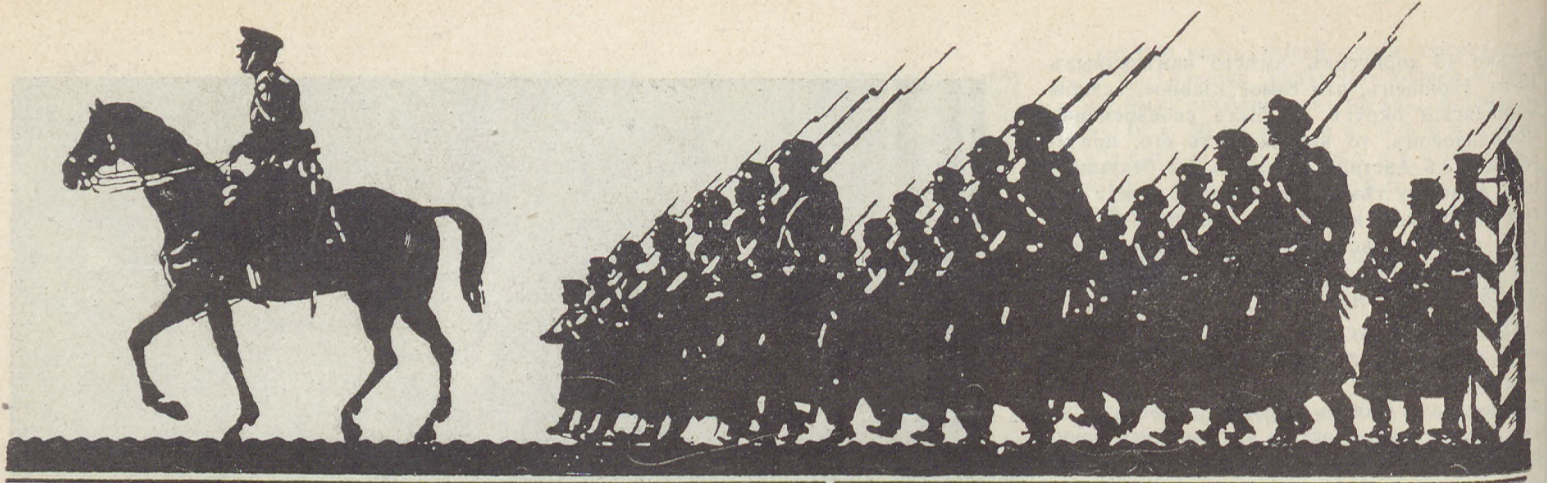
Еще накануне, предупреждая германскаго и австрійскаго пословъ о предстоящей мобилизации, Сазоновъ завѣрилъ ихъ, что это — лишь мѣра предосторожности, не предрѣшающая открытія военныхъ дѣйствій про-

тивъ Австріи и ни въ какой степени не направленная противъ Германіи. 30-го онъ сдѣлалъ еще одну попытку къ разрѣшенію конфликта, вручивъ Пурталесу слѣдующее заявленіе: «Если Австрія, признавъ, что австро-сербскій вопросъ принялъ характеръ вопроса европейскаго, заявитъ готовность удалить изъ своего ультиматума пункты, касающіеся на суверенныя права Сербіи, Россія обязается прекратить свои военныя приготовленія». Эту формулу и Сазоновъ, и Пурталесъ понимали такъ, что за полный свой отказъ отъ мобилизации Россія не требуетъ даже отъ Австріи немедленнаго прекращенія начатыхъ ею военныхъ дѣйствій и демобилизации на русской границѣ, что Пурталесъ и подчеркнул въ донесеніи своему министру.

Это предложеніе, сдѣланное Сазоновымъ по собственной инициативѣ, безъ полномочія отъ Государя, было предѣломъ, дальше котораго онъ считалъ идти невозможнымъ. «Никакое русское правительство — говорилъ онъ Пурталесу — не могло бы вести иной политики, не подвергая серьезной опасности династію»...

Черезъ нѣсколько часовъ пришелъ отвѣтъ изъ Берлина; канцлеръ считаетъ предложеніе Сазонова неприемлемымъ для Австріи.

То, что мы знаемъ теперь о берлинскихъ и вѣнскихъ рѣшеніяхъ, въ особенности отъ 30 іюля, не оставляетъ сомнѣній, что никакія уступки Петербурга измѣнить хода событій не могли. Но и тогда 30 іюля 1914 года, вся рѣшительно обстановка, извѣстная въ Петербургѣ, — отказъ центральныхъ державъ отъ какихъ бы то ни было предложеній и нежеланіе ихъ предложить свои условія, кромѣ разоруженія Россіи, объявленіе, напечатанное въ этотъ день, очевидно, съ провокаціонной цѣлью, въ берлинскомъ офиціозѣ «Lokal Anzeiger» о германской мобилизации, хотя и опровергнутое затѣмъ; ультиматумъ Бетмана, угрожавшій Россіи не только въ случаѣ ея о б щ е й мобилизации, но и ч а с т н о й, и цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ — свидѣтельствовали о неизбѣжности войны. Въ генеральномъ

штабъ понимали прекрасно, что черезъ нѣскольکو дней придется объявить общую мобилизацію, вызвавъ тѣмъ величайшій хаосъ, а, между тѣмъ, 30-го, въ исходѣ перваго дня частной мобилизаціи кончалась возможность безболѣзненнаго перехода на общую, ибо первый день давался запаснымъ на устройство своихъ дѣлъ, и перевозки еще не начинались...

Подъ влияніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ въ этотъ день состоялось совѣщаніе Сазонова, генераловъ Сухомлинова и Янушкевича, которое возложило на министра ин. дѣлъ миссію — доложить Государю о необходимости немедленнаго объявленія общей мобилизаціи. Въ воспоминаніяхъ Сазонова подробно описаны эти историческія минуты. Послѣ доклада министра и краткихъ репликъ Государя наступило тяжелое молчаніе...

— Это значитъ — обречь на смерть сотни тысячъ русскихъ людей. Какъ не остановиться передъ такимъ рѣшеніемъ...

Потомъ, какъ бы съ трудомъ выговаривая слова, Государь сказалъ:

— Вы правы. Намъ ничего другого не остается дѣлать, какъ ожидать нападенія. Передайте начальнику генеральнаго штаба мое приказаніе объ (общей) мобилизаціи.

Въ ночь на 31-е подняты всѣ вооруженныя силы государства Россійскаго, причеиъ армія и флотъ получаютъ строжайшій приказъ — до особаго повелѣнія не переходить границъ и не открывать военныхъ дѣйствій.

Въ ночь на 31-е Германія объявляетъ положеніе «Kriegsgefahr», и въ полночь на 1-е предъявляетъ Россіи ультиматумъ: въ теченіе 12 часовъ прекратить всѣ военныя приготовленія противъ Германіи и Австро-Венгріи. Одновременно посылается ультиматумъ Франціи: «каково будетъ ея отношеніе въ случаѣ войны между Германіей и Россіей?» Сазоновъ и Грей продолжаютъ переговоры, но Берлинъ отказывается принимать какія бы то ни было предложенія прежде, чѣмъ не получитъ отвѣтовъ на двойной ультиматумъ. Россія не отвѣчаетъ, а Вивіани сообщаетъ въ Берлинъ: «Франція сдѣлаетъ то, что ей повелѣваютъ ея интересы». Отвѣтъ — достойный Франціи. Другого въ Россіи не ждали. Но французскимъ интегральнымъ пацифистамъ, осуждающимъ этотъ шагъ, надо помнить, что, въ случаѣ заявленія Франціи о своемъ нейтралитетѣ, германскій посолъ фонъ-Шенъ имѣлъ секретную инструкцію — въ качествѣ залога, гарантирующаго нейтралитетъ, потребовать отъ Франціи, отъ великой державы — отдать нѣмцамъ крѣпости Туль и Верденъ, которыя могли быть возвращены только послѣ окончанія войны съ Россіей...

1-го августа Германія объявляетъ войну Россіи, 3-го — Франціи. Англія запрашиваетъ Францію и Германію — будутъ ли они соблюдать нейтралитетъ Бельгіи? Франція отвѣчаетъ утвердительно, Германія не отвѣчаетъ вовсе. И когда 4 августа нѣмцы вторглись на бельгійскую территорию, англійское правительство сообщило въ Берлинъ, что оно «приметъ всѣ мѣры, которыя имѣются въ его власти, для защиты гарантированнаго имъ нейтралитета Бельгіи»...

Австрія медлитъ, и Государь, все еще надѣясь потушить разгорѣвшійся пожаръ, повелѣваетъ не открывать военныхъ дѣйствій до объявленія ею войны, которое состоялось, наконецъ, 6 августа.

«Управленіе потеряно, и машина пришла въ дѣйствіе».

Началась великая война — это наивысшее напряженіе духовныхъ силъ націй, тягчайшая жертва, во имя родины приносимая...

Началась «великая война» — это моральное одичаніе, экономическое разореніе и миллионы загубленныхъ человѣческихъ жизней.

Когда переносишься памятью за 20 лѣтъ къ этимъ іюльскимъ днямъ, когда перелистываешь, пожелтѣвшія отъ времени, волнующія страницы тогдашнихъ газетъ, передъ мысленнымъ взоромъ встаетъ такъ ярко образъ взбудораженной, встревоженной, недоумѣвающей, возмущенной Россіи.

Слишкомъ элементарно и необосновано было бы подходить къ эпохѣ этой и къ людямъ съ постылыми мѣрками «виновственности націонализма» или «пораженчества». Воинственные крики и политическое кощунство раздавались лишь въ узкихъ крайнихъ кругахъ русской общественности и со страницъ бульварныхъ газетъ. Къ нимъ, къ сожалѣнію, приобщилъ свое имя и военный министръ Сухомлиновъ, въ связи съ пресловутой статьей «Россія готова, Франція также должна быть готова». Статья эта была написана журналистомъ Ржевскимъ по инициативѣ радикальной газеты «Русское Слово» и представлена военному министру. Послѣ передѣлки имъ статьи, «Русское Слово» отказалось отъ нея, а напечатали «Биржевыя Вѣдомости». Статья, конечно, была подхвачена и использована всей нѣмецкой прессой. Вильгельмъ на поляхъ экземпляра, представленнаго ему Пурталесомъ, сдѣлалъ помѣтку: «Тотъ, кто въ Германіи не вѣритъ еще, что Россія и Франція работаютъ съ большимъ напряженіемъ на скорую войну съ нами, заслуживаетъ быть посаженнымъ немедленно въ домъ для умалишенныхъ»... И теперь, послѣ войны, нѣтъ, кажется, ни одного историка, «происхожденія войны» который бы не цитиро-

валъ или не упоминалъ объ этой злополучной статьѣ — одни съ сожалѣніемъ, другіе со злорадствомъ, въ качествѣ доказательства сугубаго милитаризма «русской военной партіи». А самъ виновникъ этой шумихи Сухомлиновъ — человѣкъ вовсе не воинственный, а просто легкомысленный и никакой партіи не представлявшій, объясняетъ свой шагъ такъ: онъ «распорядился напечатать статью для того, чтобы заставить французовъ исполнить свой долгъ и одновременно (чтобы) сгладить паническое настроеніе у насъ, вызванное угрозами въ германской печати»...

Легенда о давленіи на іюльскія рѣшенія «русской военной партіи», возглавлявшейся, якобы, вел. кн. Николаемъ Николаевичемъ, также прочно вошла въ иностранную историческую литературу, питаясь, главнымъ образомъ анекдотами, въ родѣ, напримѣръ, такого: «Еще въ маѣ 1913 года вел. князь пытался при посредствѣ большого митинга-протеста офицеровъ петербургскаго гарнизона вызвать войну... Но не были еще готовы»...

Прежде всего, никакой «военной партіи» — въ томъ смыслѣ и въ томъ значеніи, какъ это было въ Германіи и въ Австріи — у насъ просто не существовало. Говорить о влияніи вел. князя на сухомлиновскую стратегию не приходится: послѣ того, какъ, вмѣсто роли главнокомандующаго противо-германскимъ фронтомъ, въ которой онъ предназначался при Куропаткинѣ вел. князь, при Сухомлиновѣ, получилъ мобилизаціонное назначеніе — главнокомандующимъ второстепенной 6-й арміей, прикрывавшей Петербургъ, онъ не посвящался даже въ широкіе планы войны. Какое именно влияніе имѣлъ великій князь на сазоновскую политику и въ то время лично на Государя, установить трудно, но мы знаемъ, что политика го ихъ была направлена къ поддержанію мира путемъ такихъ уступокъ, какія только были возможны и допустимы сообразно съ интересами государства и общественнымъ мнѣніемъ страны. Ибо слова Сухомлинова о «всеобщемъ паническомъ настроеніи» ложны. Русская общественность и серьезная печать — и правая, и либеральная — отдавали себѣ ясный отчетъ въ чрезвычайной серьезности происходящаго. И только. И, если существовала разница между настроеніями правыхъ и либераловъ, то только въ преобладающихъ эмоціяхъ: у первыхъ — патріотическаго возмущенія, у вторыхъ — патріотическаго тревоги. Бывало такъ, что такіе антиподы, какъ «Новое Время» и «Рѣчь», ведя жестокіе діалектические споры, по существу говорили нерѣдко одно и то же. Кадетская «Рѣчь» 25 іюля, послѣ австрійскаго ультиматума писала: «Поощреніе Сербіи

МАСКИ - ПРОТИВОГАЗЫ

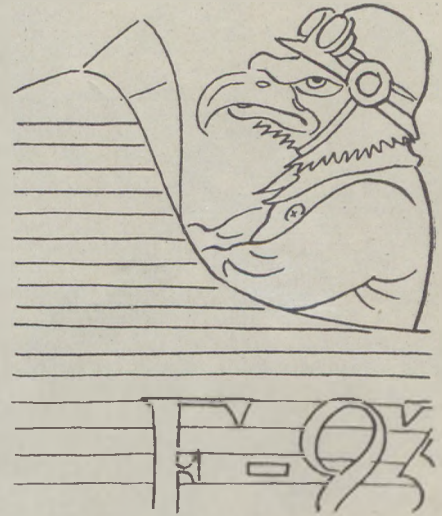
Рис. Мад'а.

Много говорят об ужасах газовой войны и необходимости снабжения всех противогазами. Старая маска однообразна и некрасива...

Не лучше ли снабдить такой маской солдат, дерущихся, как львы,

и такой — летчиков, летающих, как орлы?

Надо ввести такую маску для одних дипломатов

и такую — для других.

Военные корреспонденты и журналисты вообще должны будут носить такую маску.

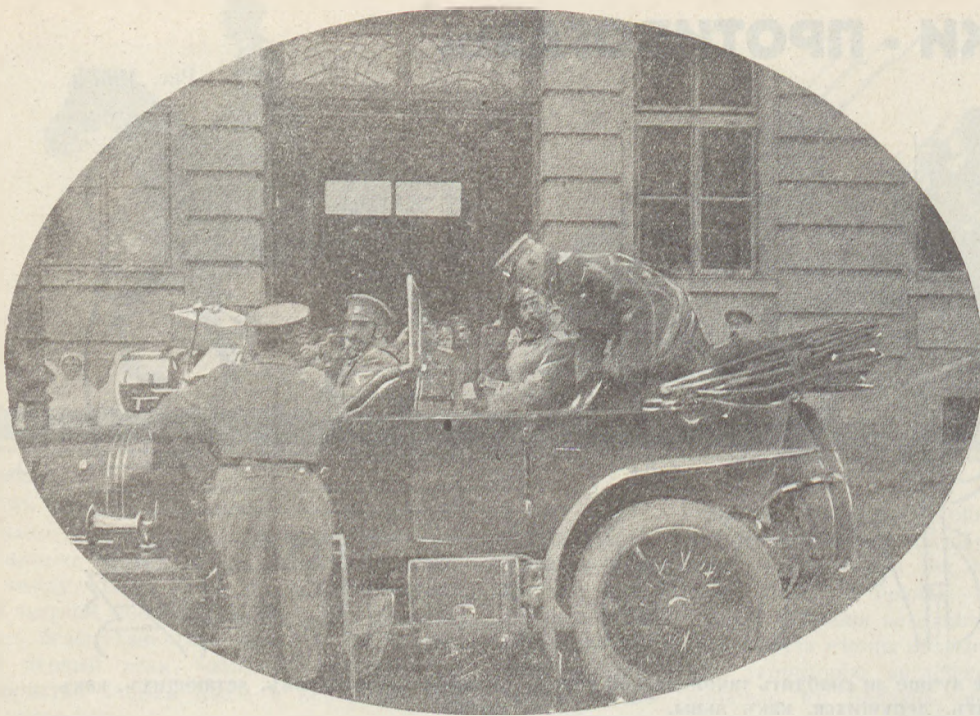
Эта маска будет предназначена для лиц, легко поддающихся панике.

Для членов Лиги Наций, столь потрудившихся на пользу вечно́го мира, должна быть изготовлена маска, изображающая голубя с оливковой веткой в клюве.

А всем, наживающимся на войне, может быть дана старая маска, слегка видоизмененная.

Императоръ Николай II и Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ въ Ставкѣ.

уже оказано (это — по поводу того мѣста правительственнаго сообщенія, гдѣ говорилось, что Россіи не можетъ оставаться равнодушной къ участи Сербіи)... Сегодня, быть можетъ, этой провокаціи (австрійской) еще можно избѣгнуть. Но единственнымъ средствомъ для этого остается все-таки «локализация» сербскаго вопроса и строгое воздержаніе отъ какихъ бы то ни было поощреній по адресу Сербіи». Любопытно, что въ своемъ отчетѣ германскій посоль Пурталесъ обратилъ вниманіе канцлера на это мѣсто статьи, называя его «удивительно благодарнымъ»...

Но та же «Рѣчь» признавала, что въ австрійскомъ ультиматумѣ «на первый планъ выступаютъ (не преслѣдованіе непосредственныхъ виновниковъ покушенія 28 іюня) традиціонная политика униженія, а, если можно, то и уничтоженія Сербіи». А послѣ сербскаго отвѣта писала уже: «Было или не было оказано давленіе (на Сербію съ нашей стороны), во всякомъ случаѣ, болѣе полного удовлетворенія, чѣмъ то, которое содержится въ сербскомъ отвѣтѣ, нельзя себѣ и представить». Потомъ газета признала нашу частную мобилизацію «естественной и своевременной» и, наконецъ, 4-го августа въ передовой напечатаны были слѣдующія слова:

«...Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри, да укрѣпится еще сильнѣе единеніе царя съ народомъ»... Эти знаменательныя слова Высочайшаго манифеста точно указываютъ основную задачу текущаго момента».

Въ оправданіе войны противъ Германіи, которая (т. е. Германія) несетъ разореніе и экономическое рабство, говорили экономисты — соц.-демократы Іорданскій, Масловъ, Туганъ-Барановскій и др. Самъ патриархъ анархистовъ, Крапоткинъ писалъ въ началѣ войны: «Всякій, кто чувствуетъ въ себѣ силы что-нибудь дѣлать и кому дорого то, что было лучшаго въ европейской цивилизаціи.. можетъ дѣлать только одно — помогать Европѣ раздавить врага самыхъ дорогихъ намъ завѣтовъ: нѣмецкій милитаризмъ и нѣмецкій имперіализмъ».

Что же сказать про русское офицерство?! Призванное не рѣшать, а исполнять, оно исходило изъ крѣпко установившейся военной традиціи. Одни относились къ предстоящему испытанію съ довлѣющей серьезностью, какъ къ исполненію своего патриотическаго и профессиональнаго долга, другіе — съ той безпечностью, которая отличаетъ пылкую молодежь, жаждущую подвига. Конечно, многихъ смущала наша отсталость, но многіе высказывали свои опасенія. И офицерство, въ массѣ своей, всецѣло приобщилось къ тому настроенію, которое владело тогда обществомъ и только, можетъ быть, ярче, чѣмъ другіе, выражало его.

Нынѣ и среди насъ, русскихъ, идетъ иногда переоцѣнка взглядовъ и позицій подъ влияніемъ безмѣрно тяжкихъ послѣдствій войны. Заднимъ числомъ являются провидцы, которые все предвидѣли, всѣхъ предостерегали — вѣроятно, и изъ числа тѣхъ, что въ свое время манифестировали у сербскаго посольства и были помяты жандармскими конями... Суровые обвинители «министровъ и генераловъ» за «романтизмъ въ политикѣ» и «за преступное», якобы «легкомысліе съ которымъ Россія вовлечена была въ кровавую бойню». Хотя, казалось бы, въ свѣтѣ нынѣ доступныхъ историческихъ документовъ не можетъ быть больше сомнѣнія, что никакое миролюбіе рускаго правительства не могло бы предотвратить европейскій пожаръ. Но и помимо того, русское правительство, въ особенности съ 1908 года, въ оцѣнкѣ германо-австро-русскихъ отношеній не вело за собою общественное мнѣніе, а только сдерживало его напоръ и, въ лучшемъ случаѣ, осторожно слѣдовало за нимъ.

И когда въ іюльскіе дни 1914 года разразилась, наконецъ, гроза... Когда Государственная Дума въ историческомъ засѣданіи своемъ единодушно откликнулась на призывъ царя «стать дружно и самоотверженно на защиту Русской земли»... Когда и національныя фракціи — поляки, латыши, тагары, литовцы, евреи и др. — въ деклараціяхъ выразили «непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что въ тяжелый часъ испытанія... всѣ наро-

ды Россіи, объединенные единымъ чувствомъ къ родицѣ, твердо вѣря въ правоту своего дѣла, по призыву своего Государя, готовы стать на защиту родины, ея чести и достоинства»... то эти настроенія не могли быть результатомъ сторонняго влиянія. Когда на площади у Зимняго дворца огромныя толпы народа, въ которыхъ смѣшались интеллигенція и рабочіе, свидѣтельствовали съ энтузіазмомъ о своихъ патриотическихъ чувствахъ, и волна подобныя демонстраціи прокатилась по всей странѣ... — то въ этомъ подъемѣ — пусть не клеветаютъ нѣмецкія перья — не было дирижерской руки «недреманнаго ока». Ибо въ эти дни онъ самъ, «недреманное око» пересталъ «тащить и не пушаты», слился съ толпой и, въ качествѣ рядового гражданина, не по службѣ, а по душевной потребности, кричалъ вмѣстѣ со всѣми «ура!» и пѣлъ «Спаси, Господи, люди Твоя...»

Въ іюльскіе дни 1914 года за короткое время, время достигнуто было непреложное единеніе власти съ народомъ.

Россіи предстояло или предоставить своей судьбѣ, обреченную на расправу Сербію — до того, по крайней мѣрѣ, часа, когда были бы готовы русскія вооруженныя силы... Или же броситься на помощь, рискуя своимъ будущимъ. Первое рѣшеніе, какъ будто, подсказывалось благороднымъ и холоднымъ расчетомъ; второе — повелительно требовалось всѣмъ нашимъ прошлымъ, исторической традиціей, морально обязующими связями.

Но если бы даже въ іюль 1914 года у кормила русской власти стояло такое правительство, которое предоставило бы своей участи Сербію и отказалось бы отъ союзныхъ обязательствъ въ отношеніи Франціи, то, въ силу создавшихся въ странѣ настроеній, усугубленныхъ чувствомъ стыда и горечи въ средѣ арміи, оно было бы сметено. Революція разразилась бы на три года раньше. Карта Европы приняла бы иное начертаніе. Побѣжденные нынѣ — стали бы тогда побѣдителями. И опьяненные успѣхомъ, во всеоружіи «силы, идущей впереди права», какъ проповѣдывалъ Бернгардъ, повернули бы свои штыки на Востокъ — противъ взвихреннаго революціей и политически изолированной Россіи.

Ибо Сербія — это была только этапъ на пути грандіозныхъ замысловъ. Ибо причины не исчезли бы, а поводы легко находятся или создаются. Ибо договоры — это только «клочки бумаги», а сила, корысть и слѣпой національный эгоизмъ являются важнѣйшими двигателями въ международныхъ отношеніяхъ современнаго міра.

Эти двигатели затемняютъ и сейчасъ сознаніе многихъ кормчихъ, толкая ихъ на пройденные гиблые пути, къ повывамъ войнамъ, смутамъ и разоренію. Эти двигатели сыграли не малую роль и въ томъ, что страна наша до сихъ поръ не можетъ сбросить свое ярмо, и готовятъ ей новыя бѣдствія въ будущемъ.

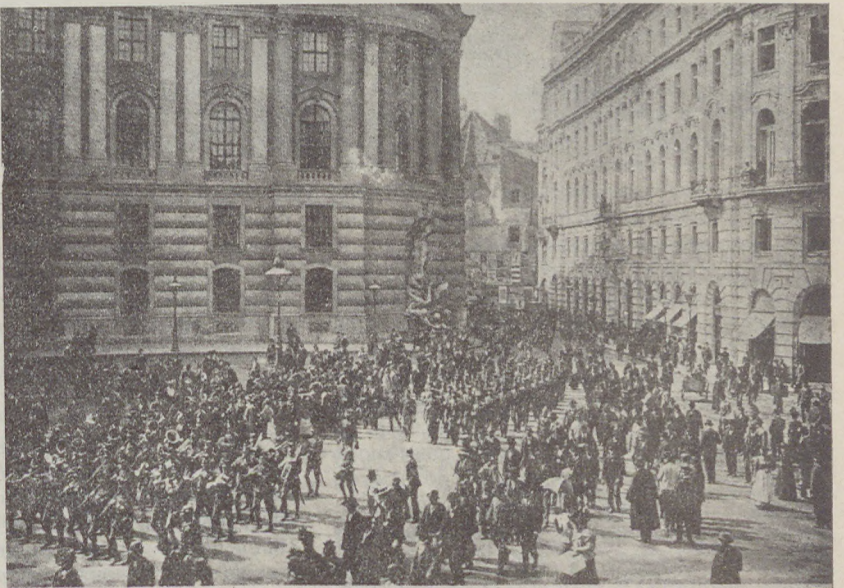
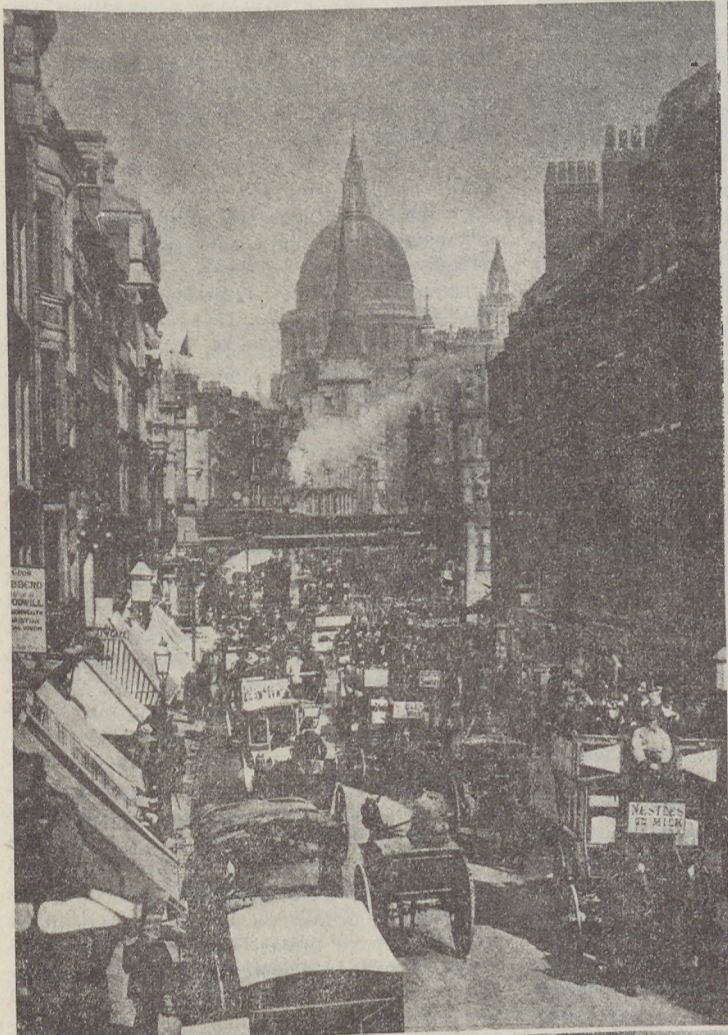
Но, какъ бы ни было мрачно современное международно положеніе... Какъ бы ни была тяжка русска доля... Какъ бы ни старались извнѣ поддержать, колеблющейся совѣтскій режимъ... изъ крови, изъ руинъ, изъ нищеты духовной и тѣлесной встанетъ русский народъ въ силѣ и въ разумѣ.

И вспомнить тогда и друзей своихъ и недруговъ.

А. Деникинъ.

Въ Петербургѣ на Дворцовой площади 20 іюля во время появленія Государя на балконѣ Зимняго Дворца.

Въ дни объявленія войны

Въ Лондонскомъ Сити. — На Грабенѣ
въ Вѣнѣ. — Парадъ у Цейхгауза въ
Берлинѣ.

ЛѢТО 1914 ГОДА

Ленинъ предсказалъ, что въ началѣ двадцатаго вѣка произойдутъ большія событія: придетъ конецъ великой германской династии, затѣмъ настанетъ...

Предпочитаю тутъ же оборвать дешевый эффектъ: я имѣю въ виду другого Ленина, не «нашего». Упомянутое выше предсказаніе сдѣлалъ нѣмецкій монахъ Ленинъ (Lehlin), и оно обошло французскую печать въ самомъ началѣ войны. Найти его можно въ первомъ томѣ большого труда Жана-Бернара о войнѣ, появившемся въ 1915 году, — тогда о «нашемъ» Ленинѣ въ Европѣ еще не имѣлъ понятія никто, да и въ Россіи его знали только люди, специально занимающіеся политикой.

Въ началѣ войны газеты вообще много занимались выскливаніемъ старыхъ предсказаній. Въ такіе періоды исторіи бываетъ раздолье для всевозможныхъ Нострадамусовъ. За ними остановки никогда нѣтъ: были бы трагическія событія, а ужъ вѣще люди всегда найдутся. Вѣще люди обычно предсказываютъ такъ туманно, что почти не рискуютъ оказаться лжепророками. Недаромъ Катерина Медичи и Карлъ IX засыпали золотомъ настоящаго Нострадамуса.

Опредѣленныя политическія предсказанія — дѣло гораздо болѣе трудное, рѣко кому удающееся. Умнѣйшій человекъ, Жозефъ де Местръ предсказывалъ, что Соединенные Штаты никогда не будутъ самостоятельнымъ государствомъ и что Нью-Йоркъ, строившійся въ его время, такъ и не достроится, — его скоро бросятъ. Подобныхъ примѣровъ тысячи, — а вотъ примѣровъ обратныхъ два-три — и обчелся. Необыкновенныя политическія предсказанія есть у Мирабо, у Бисмарка. Самое же замѣчательное изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ въ исторіи пророчествъ, это изумительная записка П. Н. Дурново, поданная императору Николаю II въ 1913 году. Въ ней съ совершенной точностью предсказаны главныя событія 1914-18 годовъ.

Иногда невольно думаешь: вѣдь кажется все было такъ просто, отчего же мы не предвидѣли? Казалось бы, легко было предположить, что если сербы убили наследника австрійскаго престола, то это можетъ повлечь за собой войну. Однако, — живо помню этотъ день. Въ дрезденской гостинницѣ «Белльвью» швейцаръ подалъ мнѣ листокъ съ сообщеніемъ о трагической кончинѣ эрцгерцога. По молодости, я и не обязанъ былъ задавать себѣ глубокомысленные политическіе вопросы. Но не ставили въ ту пору такихъ вопросовъ люди старше и опытнѣе меня.

Разумѣется, сенсация была большая. Эрцгерцога въ Европѣ не любили, но писали о немъ много. Общее сочувствіе вызывалъ престарѣлый австрійскій императоръ. Въ ту пору у журналистовъ ужъ такъ было принято: при всякомъ удобномъ случаѣ перечислять несчастья, выпавшія за 70 лѣтъ на долю Франца-Иосифа. Всѣ ихъ знали наизусть,

но тема была богатѣйшая. Печать въ разныхъ странахъ писала объ императорѣ чрезвычайно тепло, особенно печать англійская: англичане всего больше цѣнятъ и любятъ долговременную извѣстность — если Троцкій проживетъ девяносто лѣтъ, то его въ Англии будутъ умиленно называть «добрый, старый Троцкій».

Францъ-Иосифъ, впрочемъ, былъ очень почтенный человекъ. Несчастій на его долю и въ самомъ дѣлѣ выпало великое множество. Быть можетъ, въ 84 года онъ ихъ переносилъ не такъ тяжело, какъ могъ бы переносить человекъ съ меньшимъ жизненнымъ опытомъ, съ большей природной чувствительностью. Помню фотографію, обошедшую тогда всѣ иллюстрированные журналы: австрійскій императоръ ѣдетъ на панихиду. Въ парной коляскѣ, рядомъ съ адъютантомъ, онъ сидѣлъ сгорбившись, чуть наклонившись впередъ. За нимъ въ автомобилѣ слѣдовалъ новый наследникъ престола (самъ Францъ-Иосифъ автомобилемъ до конца жизни не признавалъ). И у молодого наследника, и у адъютанта, и у кучера, и у лакея лица были сосредоточенныя, взволнованныя. Но лицо императора не выражало рѣшительно ничего: въ этомъ человекѣ Габсбургскій этикетъ, 66 лѣтъ царствованія, кажется, начисто выжили способность къ выраженію какихъ бы то ни было чувствъ, — если не къ самымъ чувствамъ.

Въ Дрезденѣ я оставался недолго — изъ Германіи выѣхалъ въ Парижъ. Вотъ ужъ гдѣ никто не думалъ ни объ убійствѣ эрцгерцога, ни о сербахъ, ни о возможности европейской войны. Война, впрочемъ, занимала и беспокоила французовъ, но не европеецкая, а африканская. Въ Марокко шли кровопролитные бои. Чуть ли не въ день своего приѣзда во Францію, я прочелъ торжествующія статьи по поводу взятія генераломъ Анри какой-то Кенифра. Что это была за Кенифра и какое именно племя ее защищало, — объ этомъ не стоитъ наводить справку. Скажу только, что потери въ сраженіи были огромныя: убито было пять человекъ, а ранено девятнадцать! Надо ли добавлять, что въ газетахъ помѣщались портреты убитыхъ, чуть ли не ихъ биографіи. О, милое, невинное, счастливое время! Нѣсколькими годами позднѣ въ нейтральномъ иллюстрированномъ журналѣ мнѣ попалась картинка со злобшей надписью: святой ключарь встрѣчаетъ у райскихъ вратъ эрцгерцога Франца-Фердинанда: «Ваше Высочество, не огорчайтесь! За Вами скоро сюда постѣдуетъ свита въ десять милліоновъ людей»...

Марокканская война занимала парижанъ; но не скажу, чтобы она была главной злобой дня. Какъ говорили, свѣтскій сезонъ никогда не былъ такъ блестящъ, какъ въ это лѣто. Всѣ газеты обошло подробнѣйшее сообщеніе объ изумительномъ «балѣ драгоценныхъ камней» («Bal de pierres») у княгини де Брой. Портреты хозяйки дома,

нѣкоторыхъ другихъ дамъ, разумѣется, тоже печатались: на каждой было брилліантовъ на милліоны. Приѣзжалъ и знатный иностранный гость Джемаль-паша. Почему-то его носили въ Парижѣ на рукахъ: репортеры отмѣчали его высокую культуру, симпатичную внѣшность, милую кроткую улыбку, — нѣсколько позднѣ этотъ свирѣпѣйшій изъ младотурецкихъ вождей вырѣзалъ сотни тысячъ армянъ. Не отставалъ отъ свѣтскаго сезона сезонъ спортивный. Жеребецъ «Сарданапалъ» и кобыла «Ла Фарина» имѣли передъ Гранъ-При одинаковое количество поклонниковъ. Генбогъ-Смитъ нанесъ Карпантѣ недозволенный ударъ и былъ дисквалифицированъ судьями матча.

Однако, первой, главной, величайшей злобой дня было, разумѣется, дѣло госпожи Кайо. Молодежь о немъ, быть можетъ, ничего и не слыхала. Жена радикальнаго министра финансовъ въ зданіи «Фигаро», помѣщавшемся тогда на улицѣ Друо, застрѣлила главнаго редактора Кальметта. Онъ велъ кампанію противъ ея мужа. Говорили, что газета опубликуетъ интимныя письма, позорящія политическую репутацію вождя радикальной партіи. Говорили также, что «инспирировалъ» эту кампанію другой французскій государственный дѣятель. Чего только не говорятъ люди! На процессѣ письма эти были прочтены защитникомъ, знаменитымъ адвокатомъ Лабори, — письма были дѣйствительно интимныя, но рѣшительно ничего позорящаго въ нихъ не было. Выступали въ судѣ свидѣтелями знаменитѣйшіе люди Франціи. Поль Бурже какъ нарочно находился у Кальметта въ ту минуту, когда пришла убивать его жена министра финансовъ. Бурже былъ связанъ дружбой съ редакторомъ «Фигаро» и выступалъ, разумѣется, какъ свидѣтель обвиненія. Но защита отклоняла въ одномъ его старомъ романѣ положеніе, весьма сходное съ дѣломъ и освѣщено это положеніе было какъ будто такъ, что можно было, по аналогіи, оправдать госпожу Кайо и осудить Кальметта, — въ отвѣтъ на этотъ неожиданный ходъ Лабори, прославленный романистъ только смущенно сказалъ, что литература одно, а жизнь другое. Извѣстнѣйшій хирургъ Дуайенъ весьма прозрачно намекалъ, что погубили несчастнаго редактора «Фигаро» вызванные къ нему врачи (тоже, разумѣется, знаменитости) Кюнео и Гартманъ, а онъ, Дуайенъ, непременно спасъ бы Кальметта. «Фигаро», печатавшій стенографическій отчетъ о процессѣ, имѣлъ въ тѣ дни небывалое распространеніе. Сенсация слѣдовала одна за другой: «Кайо противъ Барту!..» Анри Бернштейнъ противъ Кайо!.. «Шеню противъ Лабори!..» «Дуайенъ противъ Дельбе!..» «Сенсаціонный инцидентъ съ Андре Эссомъ!..» «Первый обморокъ госпожи Кайо!..» «Второй обморокъ госпожи Кайо!..» «Ей въ Консьержери носятъ обѣды изъ ресторана Лаперузъ!..» Кончилось все это ровно за три дня до начала мировой войны! 28 іюля приговоръ оправдалъ подсудимую.

Говорят, что въ тѣ дни пѣшкомъ ушли
Правыя газеты называли убійство Кальмет-
та «величайшимъ преступленіемъ эпохи», а
оправдательный приговоръ — «величайшимъ
позоромъ эпохи». Какъ опять не подумать:
О, доброе, идиллическое время, не знавшее
худшихъ преступленій и худшаго позора!..

О войнѣ парижане не думали. Но биржа
все-таки о ней думала. По крайней мѣрѣ,
ѣкоторая часть биржи. Чуть ли не въ тотъ
самый день, какъ присяжные оправдали гос-
пожу Кайо, произошелъ совершенно необы-
чный инцидентъ. Газеты сообщили о немъ
не сразу, — кажется, хотѣли даже замол-
чать его совѣмъ. Въ залѣ арбитража, разъ-
яренная толпа маклеровъ и банкировъ на-
пала на извѣстнаго австрійскаго спекулянта,
барона Оскара Розенберга. Биржевой ба-
ронъ съ друзьями укрылся въ своей будкѣ,
какъ феодальные бароны укрывались за стѣ-
нами средневѣковыхъ замковъ, и выдер-
жалъ тамъ осаду, до появленія — не отря-
да преданныхъ вассаловъ (какъ бываетъ у
Вальтеръ-Скотта), но кучки честныхъ париж-
скихъ полицейскихъ, которымъ и удалось
отбить его отъ осаждающей арміи, — ка-
жется, шлемъ, копье и латы онъ такъ тамъ
и потерялъ. Черезъ нѣсколько дней, уже по-
слѣ объявленія войны, газеты не безъ сму-
щенія писали, что толпу тогда привела въ
ярость l'insolence du hobereau autrichien

Я не увѣренъ, что баронъ Розенбергъ
былъ такой падменный hobereau. Этотъ
ловкій человѣкъ въ тѣ дни повелъ бѣше-
ную игру на пониженіе цѣнностей, всѣхъ
рѣшительно цѣнностей «безъ различія на-
ціональностей и вѣроисповѣданья». Игрѣ
на пониженіе, конечно, никого на биржѣ не
удивишь. Но въ связи съ политическими со-
бытіями, которыя внезапно стали очень по-
ходить на катастрофу, игра проницательно-
го барона, повидимому, дорого стоила очень
многимъ людямъ.

Журналъ «Иллюстраціонъ» помѣстилъ фо-
тографію сценъ осады будки. Лицъ, столь
искаженныхъ злобой и бѣшенствомъ, мнѣ,
кажется, никогда видѣть не приходилось.

«По приказу президента республики, объ-
является всеобщая мобилизація всѣхъ сухо-
путныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ, а
также реквизиція животныхъ, автомобилей
и сбруи, необходимыхъ для нуждъ арміи.
Первый день мобилизаціи: воскресенье, 2 ав-
густа 1914 года».

Это объявленіе я впервые увидѣлъ на
дверяхъ почты. Помню, что меня всего боль-
ше удивила его простая, прозаическая фор-
ма, съ упоминаніемъ о животныхъ и о сбруѣ.
Мы по дѣтскимъ книгамъ помнимъ, что въ
такихъ случаяхъ, — въ день объявленія
войнъ, — въ столицахъ «царитъ необычай-
ный энтузіазмъ» и надъ несмѣтными толпа-
ми народа, откуда ни возмись, «взвизывается
орелъ». Но въ Парижѣ орла не было. Не
было и энтузіазма.

Я не знаю, какъ и назвать чувства тѣхъ
дней... Не дай только Господи переживать
все это снова! Надо же кое-что оставить и
грядущимъ поколѣніямъ. Пусть и они ощу-
тятъ общеизвѣстные стихи Тютчева: «Счаст-
ливъ, кто посѣтилъ сей міръ. Въ его минуты
роковыя: Его призвали всеблагіе, Какъ со-
бесѣдника на пирь... Онъ ихъ высокихъ
зрѣлищъ зритель, Онъ въ ихъ совѣтъ до-
пущенъ былъ, И заживо какъ небожитель,
Изъ чаши ихъ безсмертье пилъ»... По сово-
купности нынѣшнихъ обстоятельствъ, я по-

*) Наглость австрійскаго дворянчика.

ПАРИЖСКАЯ БИРЖА ВЪ ПЕРВЫЕ ДНИ ВОИНЫ

лагаю, что и младшіе наши братья увидятъ
не менѣ высокія зрѣлища и будутъ, такъ
же, какъ мы, пить безсмертье изъ чаши небо-
жителей. Понравится ли имъ этотъ напо-
токъ, не скажутъ ли они, подобно Полю Бур-
же: «литература одно, жизнь другое», — я
не знаю. Но за наше поколѣніе, пожалуй, —
готовъ былъ бы поручиться: съ насъ роко-
выхъ минутъ міра достаточно, мы отъ даль-
нѣйшихъ пировъ отказываемся, навсегда, съ
полной готовностью и безъ особенной гру-
сти. Попировали.

Банки вначалѣ не платили по аккредити-
вамъ и не мѣняли иностранныхъ денегъ. Къ
счастью, въ кошелкѣ у меня оказалось нѣ-
сколько золотыхъ монетъ. Была одна огром-
ная американская монета въ 20 долларовъ:
незадолго до того я былъ въ Соединенныхъ
Штатахъ, и сохранилъ эту монету на па-
мять, именно потому, что она, по величинѣ
своей, ни на какія другія не походила. По
наивности, я опасался: что, если откажутся
размѣнять и иностранное золото? Нѣтъ, въ
банкѣ Жордана мнѣ за американскую мо-
нету очень охотно выдали сто франковъ,
разумѣется ассигнаціями. Гостинница ока-
зывала кредитъ, я могъ дожидаться тѣхъ
дней, когда банки опомнились и пришли въ
себя: то, что они не платили по кредитнымъ
письмамъ изъ союзныхъ странъ и не мѣ-
няли ихъ валюты, было, разумѣется, непри-
лично; но продолжалось это недолго и объ-
яснялось, конечно, общей растерянностью:
«акулы капитализма», — тѣ самыя, которыя,
по большевицкому трафарету, устраива-
ютъ всѣ войны, — были, за рѣдкими исклю-
ченіями, такъ же врасплохъ застигнуты со-
бытіями, какъ обыкновенные смертные лю-
ди.

Потянулся первый, катастрофическій для
союзниковъ, мѣсяцъ войны. Онъ создалъ въ

Парижѣ особое настроеніе, которое я могъ
бы сравнить только съ петербургскимъ на-
строеніемъ 1918 года. Кто это пережилъ,
тотъ не забудетъ никогда, — а другимъ не
объяснишь: это въ слова укладывается пло-
хо. Сознаніе обреченности? Выраженіе это
напршивается на языкъ, оно, пожалуй, бли-
зко къ истинѣ, но полной искренности въ
немъ не будетъ. По совѣсти, я и тогда не
вѣрилъ, что Парижъ «погибъ», какъ четырь-
мя годами позднѣе не вѣрилъ, что погибъ
Петербургъ. Да и нельзя представить себѣ
точный смыслъ этихъ словъ.

«Быть Петербургу пусту», — нѣтъ, эти
пророчества въ новой исторіи по л и н о -
с т ь ю никогда не сбываются. Въ самомъ
худшемъ случаѣ городъ возрождается, и что-
то въ немъ остается отъ стараго города: не
пусты вѣдь и Мессина, и Санъ-Франциско.
Но землетрясенія, «слѣпя силы природы»,
— дѣло другое. Парижъ долженъ былъ по-
гибнуть отъ людей, — этого сознаніе не
принимало, какъ и сейчасъ оно не при-
нимаетъ мысли, что погибнетъ Россія. — «От-
чего же Россія не можетъ погибнуть? И не
такія имперіи погибали», — говорилъ когда-
то одинъ нашъ государственный дѣятель,
имѣвшій репутацію циника. Но и онъ, ко-
нечно, въ свои слова не очень вѣрилъ.

Нѣмцы писали: «рѣшается споръ двухъ
цивилизаций». Господи! Въ защиту герман-
ской цивилизаціи говорили доводы 420-мил-
лиметровыхъ орудій; а такъ какъ французы
имъ въ ту пору могли противопоставить
лишь аргументы 75-миллиметрового калиб-
ра, то изъ этого слѣдовало заключить о пре-
восходствѣ германской цивилизаціи надъ
французской? О, нѣтъ! Но каждый изъ 420-
миллиметровыхъ доводовъ, которыхъ было
такъ много въ распоряженіи нѣмецкихъ ар-
тиллеристовъ, могъ снести съ лица земли
лучшія сокровища французской культуры.

ИНОСТРАННЫЕ ДИПЛОМАТЫ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

Англійскій посолъ Д. Бьюкенень.

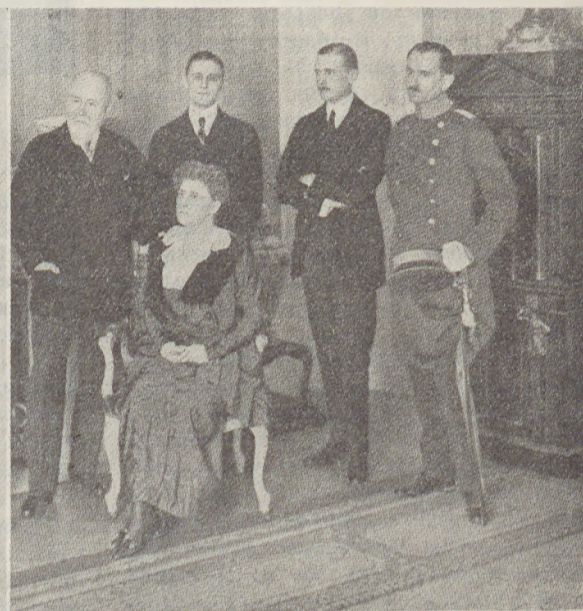
Французскій посолъ Т. Делькассъ.

Бельгійскій послан. графъ К. Де-Бюиссеръ.

Австро-Венгерскій посолъ графъ Салари.

Германскій посолъ графъ Пурталесъ.

труповъ уже была закопана въ землю, одизъ Парижа сотни тысячъ людей. Въ Турѣ, въ Пуатье, въ Орлеанѣ нельзя было ни за какія деньги достать свободную комнату. Оставшіеся же, вели себя превосходно. Мужество, спокойствіе, достоинство парижанъ были выше похвалъ.

Въ эти дни группа людей почти ежедневно собиралась въ завтраку въ маленькой (больше, кажется, не существующей)

на площади Сорбонны. Была среди нихъ, скончавшаяся на дняхъ, госпожа Кюри. Постоянно бывалъ тамъ и нынѣ здравствующій весьма извѣстный франко-русскій ученый, профессоръ В. А. Анри, впоследствии редактировавшій въ Парижѣ, съ Н. В. Чайковскимъ, А. Н. Толстымъ и со мною, журналъ «Грядущая Россія». Бывалъ съ нимъ часто въ и я. Тамъ узнавались всѣ новости, — помнится, шли онѣ отъ Пенлеве, съ которымъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ нѣкоторыя участницы

этихъ завтраковъ. Тамъ, въ этой милой я узналъ, что французскія войска одержали большую побѣду, — «настоящую» (газетнымъ сообщеніямъ никто не вѣрилъ). Если память мнѣ не измѣняетъ, слово «Марна» произнесено не было.

Нѣсколько позднѣе, — вѣроятно, въ срединѣ сентября, — я побывалъ на поляхъ Марискаго сраженія, — точнѣе, на небольшомъ его участкѣ. Это само по себѣ свидѣтельствоуетъ о младенческомъ состояніи дѣла контръ-развѣдки въ началѣ войны: разрѣшенія на проѣздъ къ мѣстамъ недавнихъ боевъ давались совершенно безпрятственно; я показалъ документы, — на нихъ никто и не взглянулъ; о рекомендаціяхъ не было рѣчи. По пути кое-гдѣ часовые требовали пропускъ, — и удовлетворялись той же бумажкой съ печатью.

Зрѣлище это было ужасно. Большая часть нао, мы безпрестанно натыкались на об-

лѣпленные мухами мертвыя тѣла... Помню разрушенныя или полуразрушенныя деревни, въ которыхъ не оставалось ни куска хлѣба. Жители понемногу возвращались, но только отвѣчали смѣхомъ на предложеніе продать съѣстное: у нихъ у самихъ не было ничего. Описывать все это нѣтъ охоты, — да и кто этого потомъ не видалъ въ Россіи, на фронтахъ и въ пору гражданской войны...

Въ концѣ сентября я покинулъ Францію путемъ, который тогда сталъ общепринятымъ, «классическимъ»: Лондонъ - Нью-Кестль - Бергенъ - Христианія - Стокгольмъ - Петербургъ. Приключеній на обратномъ пути у меня никакихъ не было. Въ морѣ полагалось «держать наготовѣ спасательные пояса»; они такъ и не понадобились. Никакихъ подводныхъ лодокъ мы не видѣли. Видѣли много интереснаго въ Англии, въ Швеции, — но объ этомъ здѣсь рассказывать не приходится.

М. Алдановъ.

Москва встрѣчаетъ Государя въ августѣ 1914 г. у стѣнъ Кремля.

А. П. Матвѣевъ

Первый выстрѣлъ

По газетнымъ страницамъ

Ничего не предвѣщало наступающей катастрофы.

13 июля (по ст. ст.) 1914 года Петербургъ — старый, сановный, барскій и чиновничій уже наполовину разѣхался за границу и на дачи.

Въ этотъ день на скачкахъ разыгрывался Императорскій призъ — въ 15.000 рублей. Свѣтило яркое солнце и сильно грѣло. Бѣлые дамскіе туалеты и открытые разноцвѣтные зонтики, какъ цвѣты, были вкраплены возлѣ трибунъ ипподрома. Въ ложахъ поддерживали свѣтскій разговоръ по темой дня былъ только что предъявленный Австріей Сербіи ультиматумъ. Къ вечеру новость: Государь поздравилъ юнкеровъ съ производствомъ въ офицеры. Въ вечернихъ газетахъ появилось первое распоряженіе военныхъ властей: воспрепятствуютъ полеты надъ западной границей. За обѣдомъ у Кюба жаловался какой-то чиновникъ дипломатическаго корпуса:

— Шифрованныя телеграммы приходится посылать нѣсколько разъ телеграфомъ на

Берлинъ и кабелемъ на Данію, — телеграммы умышленно перевираютъ.

Въ Пулковѣ, на единственной русской радіо-станціи, забыли о политическихъ событіяхъ: идетъ усиленная подготовка связи со всѣми станціями міра по поводу предстоящаго солнечнаго затмения. Одна только нѣмецкая станція не сообщаетъ длины своей волны.

Съ утра 14-го июля весь Петербургъ уже жилъ напряженной жизнью. Газеты парасхватъ. На Невскомъ, возлѣ редакціи «Вечерняго Времени» — толпа. Ожидаютъ дальнѣйшихъ телеграммъ.

— «Да здравствуетъ Сербія!» — «Долой Австрію!» — кричатъ въ толгѣ. Вездѣ группы, разговоры, споры, чувствуется нервное, повышенное настроеніе.

Въ Финляндіи, на дачѣ — въ Теріокахъ, обычная дачная жизнь съ единственными заботами, чтобы мужья не забыли привезти что-либо изъ города. А вечеромъ, вдругъ, съ Кронштадтскихъ фортовъ зловѣще засвѣтилъ прожекторъ. Пошарилъ по небу, ос-

вѣтилъ берегъ, ворвался въ окно дачи и залилъ комнату солнечнымъ свѣтомъ.

— Какъ красиво! — вскрикнули дамы. — Ура! — закричали дѣти.

Прожекторъ погасъ. Стало темно. Вдругъ, опять длинныя щупальцы заходили по небу и опять погасли, и небо сдѣлалось еще темнѣе и мрачнѣе. И въ этихъ контрастахъ свѣта и мрака почувствовалась какая-то жуткая таинственность.

Ультиматумъ Австріи, производство юнкеровъ въ офицеры, толпы, возгласы — все вѣстники чего-то такого, въ чемъ обычный смертный еще не могъ себя отдать отчета и разобраться. Событія росли и развивались съ необыкновенной быстротой.

16-го июля — Австрія объявила войну Сербіи. Газеты вышли съ портретами короля Петра и наследника Александра. На Невскомъ манифестации: «Долой Австрію!» «Да здравствуетъ Сербія!» «Да здравствуютъ славяне!» Затѣмъ проводы сербскихъ офицеровъ — толпа пронесла ихъ на рукахъ по Николаевскому вокзалу въ вагоны. Передо-

Донской казак Козьма Крючковъ — первый георгиевскій кавалеръ великой войны.

Идутъ на позицію...

вицы многихъ газетъ начинались словами: «Итакъ, жребій брошенъ...»

Ростутъ слухи о мобилизаціи... Въ возбужденной толпѣ вдругъ появляются озабоченныя и тревожныя лица: «Мобилизація» — шопотомъ передаютъ другъ другу. Толпы на Невскомъ двигаются къ Зимнему дворцу.

Въ ночь съ 17-го на 18-ое на углахъ улицъ появились объявленія на сѣрой бумагѣ: «Во исполненіи Высочайшаго повелѣнія... нижнимъ чинамъ запаса съ увольнительными билетами, а не имѣющимъ таковыхъ, съ видами на жительство, или удостовѣреніями личности, явиться въ участковая полицейскія управления по мѣсту своего жительства, на второй день мобилизаціи, въ субботу 19-го іюля, въ 6 часовъ утра, для отправки въ соответствующіе сборные пункты...»

— «Мобилизація! мобилизація!» — передаютъ изъ устъ въ уста.

— «Пустяки! Достаточно намъ мобилизо-

ваться, какъ отъ австрійскаго ультиматума полетятъ перья...»

— «Если и война, то не болѣе трехъ мѣсяцевъ!» — раздавались оптимистическіе голоса.

Экстренные выпуски газетъ: «Австрійская армія бомбардируетъ беззащитный Бѣлградъ!»

— «Долой Австрію!» «Боже, Царя храни!» «Ура, ура, ура!» — возгласы, крики, толпы, по всѣмъ улицамъ группы, манифестаціи.

Ночью, 20-го іюля на Пулковской радіостанціи волненіе: какая-то нѣмецкая станція на неизвѣстной волнѣ передаетъ всю ночь шифрованныя телеграммы*). Съ утра всѣ съ жадностью бросаются на газеты. На первой страницѣ: «Отъ Двора Его Император-

*) До официального объявленія войны нѣмецкая радіостанція въ Науенѣ сообщала своимъ судамъ, находящимся въ открытыхъ моряхъ, о начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ.

Австрійскіе военноплѣнные.

Походная музыка.

скаго Величества объявляется господамъ статсъ-дамамъ, камеръ-фрейлинамъ, гофмейстеринамъ, фрейлинамъ, господамъ придворнымъ и прочимъ кавалерамъ и всѣмъ особамъ, имѣющимъ прїездъ ко двору. Его Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволилъ: 20-го сего іюля имѣть прїездъ къ молебствію о ниспосланіи русскому оружію побѣды надъ врагомъ въ Зимнемъ Его Императорскаго Величества дворцѣ въ 3 1/2 часа дня...»

Затѣмъ, манифестъ: «Мы Николай Второй... Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ Сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія послѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда... Вынужденные, въ силу создавшихся условий, принять необходимыя мѣры предосторожности. Мы повелѣли

привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достоинствомъ НАШИХЪ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ. Среди дружественныхъ сношеній союзная Австрія Германія, вопреки НАШИМЪ надеждамъ на вѣковое доброе соудство и не внемля завѣренію НАШЕМУ, что принятія мѣры отношь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

«Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе ЦАРЯ съ ЕГО народомъ... Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцатый день іюля, въ лѣто отъ рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованіе же НАШЕГО двадцатое...»

Въ Зимнемъ дворцѣ ко всѣмъ подъѣздамъ большой наплывъ экипажей и автомобилей. Толпы запрудили всю площадь.

Высочайшій выходъ. Государь видимо взволнованъ: «Со спокойствіемъ и достоинствомъ встрѣтила наша матушка Русь извѣстіе объ объявленіи намъ войны... Я здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли нашей...»

— Ура, ура, ура... Гимнъ. — «Боже, Царя храни...» — несется въ залахъ, на площадяхъ, на улицахъ. Съ портретами Государя, съ національными флагами, съ пѣніемъ «Спаси Господи люди Твоя...» двинулись манифестаци. Владѣлецъ банкирскаго конторы Лихаревъ выѣхалъ въ боярскомъ костюмѣ верхомъ на лошади впереди манифестирующихъ гостиноподворцевъ.

— Ура, ура, ура... Долой Германію! Долой Австрію! Да здравствуетъ!.. Боже, Царя!.. Спаси Господи! — Все закружилось, завертелось въ вихрѣ возгласовъ, криковъ, рѣчей, и вездѣ, повсюду повторяется одно слово: «война».

Такъ началось...

Застывшій на Николаевской площади конь Павла Трубецкого*) — ожилъ. Крѣпкую руку съ поводьями смѣнила слабая. Она не могла сдержать звѣриной мощи этого коня. Онъ понесъ...

Въ то время, какъ въ столицахъ кричали ура, пѣли гимны, церковныя пѣнопѣнія, гдѣ-то на границѣ раздался первый выстрѣлъ.

Кто его сдѣлалъ?

«20-го іюля Либавъ была обстрѣляна нѣмецкимъ крейсеромъ».

23-го управленіе генеральнаго штаба доноситъ:

«Русскія войска установили соприкосновеніе съ противникомъ на большей части русско-германской границы... Нѣмецкія войска заняли Белдинъ, Калишь, Ченстоховъ. Русскія войска на фронтѣ Вила-Баржименъ вынудили противника отступить на дневной переходъ».

Столкновеніе у Вержболова...

Первые раненые. Первая кровь...

Первая переключка послѣ перваго боя: Ивановъ — есть, Петровъ — молчаніе, Сидоровъ — молчаніе, Воробьевъ — молчаніе и т. д. Сколько такихъ молчаливыхъ секундъ прошло у сколькихъ фамилій?.. Ихъ — миллионы...

Кто сдѣлалъ первый выстрѣлъ? На этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта. Въ музеяхъ и библіотекахъ нельзя найти источниковъ объ этомъ историческомъ выстрѣлѣ. Должно быть при первомъ выступленіи на границѣ неизвѣстный поручикъ скомандовалъ неизвѣстному солдату: — «Пли!» Винтовка выстрѣлила и началось то, что мы теперь называемъ «Великой войной».

Она началась первымъ выстрѣломъ и закончилась послѣднимъ и дала міру слѣдующіе результаты: лѣсъ намогильныхъ крестовъ, памятники-монументы почти въ каждомъ городѣ, и могилы неизвѣстныхъ солдатъ въ каждомъ государствѣ. Кромѣ того, она дала цифры. Языкъ ихъ сухъ, холоденъ, но жутко становится, когда на минуту вообразишь въ каждой единицѣ близкаго, родного человѣка.

Вотъ эти ужасныя цифры.

Въ моментъ объявленія войны въ русской

*) Памятникъ Александру III.

ПОМОЩЬ РАНЕННЫМЪ ВОИНАМЪ

АНГЛО-РУССКІЙ ЛАЗАРЕТЬ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Императрица Марія Федоровна; Вел. Княжна Марія Павловна; Вел. Княжна Ольга Николаевна; Вел. Княжна Татьяна Николаевна; Вел. Княжна Виктория Федоровна; супруга англійскаго посла лэди Бьюкененъ; англійскій посолъ сэръ Бьюкененъ и др.

Плѣнные и раненые нѣмцы по дорогѣ въ Россію.

Лазаретъ Русско-Французскаго Банка.

арміи насчитывалось 1,230,000 военнослужащихъ. За 40 мѣсяцевъ войны Россія дала фронту 15,798,000 человекъ, т. е. изъ каждой 1000 мужчинъ было взято — по мобилизации 474 человекъ.

Наши потери: убитыми, искалѣченными, умершими отъ ранъ и военнопленными: 4,467,000.

Раненныхъ, зарегистрированныхъ, прошедшихъ перевязочные пункты: 2,844,500, т. е. одна пятая всѣхъ мобилизованныхъ.

Тратила Россія на свою армію, до объявленія войны, 974 милліона рублей въ годъ — 27,4 процента своего бюджета. Въ 1917 году ОДИНЪ ДЕНЬ войны стоилъ Россіи

65,7 милліоновъ, а за 40 мѣсяцевъ войны Россія истратила:

50,5 милліардовъ золотыхъ рублей.

Чтобы представить себѣ эту цифру, слѣдуетъ знать, что до 1918 года добыто на всемъ земномъ шарѣ 16 милліоновъ килограммъ золота стоимостью въ 25 м-рдовъ рублей. Откуда Россія могла почерпнуть сумму болѣе, чѣмъ вдвое, превосходящую запасъ золота въ мірѣ? Огвѣтъ одинъ: — изъ благосостоянія своего населенія и займовъ.

Это, такъ сказать, маленькій балансъ нашего участія въ мировой войнѣ.

Но гдѣ общій итогъ побѣдителей и побѣжденныхъ? Вотъ онъ: убитыхъ — въ странахъ Согласія — 4,500,000; въ Центральныхъ державахъ — 4,200,000 итого — 8,700,000, т. е. по количеству жителей уничтожено населеніе двухъ государствъ — Швеціи и Норвегіи. Увѣчныхъ: въ странахъ Согласія — 1,920,000; въ Центральныхъ державахъ — 922,000. Плѣнныхъ и безъ вѣсти пропавшихъ: въ странахъ Согласія —

4,000,000; въ Центральныхъ державахъ — 2,600,000. Всего потери въ странахъ Согласія — 10,420,000 и въ Центральныхъ державахъ — 7,722,000. Для того, чтобы уяснить полноту этой чудовищной картины, нужно прибавить потери отъ повышенной смертности, происходящей вообще во время войны и уменьшенія рождаемости. Тогда поблкнутъ всѣ образы ада — и мы получимъ результатъ, равный численно гибели населенія всей Франціи.

Черной, траурной каймой подведенъ итогъ Великой войны.

Для того, чтобы сдѣлать первый выстрѣлъ, и, довести эти выстрѣлы до ураганнаго огня, воюющія государства истратили 300 милліардовъ золотыхъ рублей. Этой суммы хватило бы **ушестерить** благосостояніе всѣхъ неимущихъ Европы и Америки.

Итакъ, кто сдѣлалъ первый выстрѣлъ? — Пусть онъ не забудетъ и этихъ результатовъ!

А. Матвѣевъ.

СОЛЬДАУ

Трагедія второй арміи

Въ нѣмецкомъ еженедѣльникѣ «Berliner Illustrierte Zeitung» печатается рядъ очерковъ военнаго писателя Р. фонъ-Верта подъ заглавіемъ «Русскіе наступаютъ...», посвященныхъ несчастному для насъ сраженію подъ Сольдау, которое нѣмцы, во вниманіе къ своимъ историческимъ воспоминаніямъ, окрестили именемъ Танненберга.

Очерки эти, написанные очень объективно, на основаніи строго проверенныхъ нѣмецкихъ и русскихъ источниковъ, въ которыхъ значительную роль занимаютъ личныя впечатлѣнія очевидцевъ, какъ съ нѣмецкой, такъ и съ русской стороны, представляютъ собою большой интересъ.

Въ силу цѣлага ряда причинъ, мы вообще мало знаемъ объ обстоятельствахъ, которыя послужили причиной трагедіи второй арміи ген. Самсонова, его гибели и плѣненія двухъ русскихъ первоочередныхъ корпусовъ въ самомъ началѣ войны. Какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго, нѣмцамъ въ ихъ стратегической подготовкѣ къ этой побѣдѣ помогъ случай. Сдѣлавъ изъ него соотвѣтствующіе выводы, германскому командованію было уже не трудно использовать тактически всѣ выгоды положенія нѣмецкой арміи и довести задуманный имъ планъ до конца.

I.

Наши войска вступили въ Восточную Пруссію двумя крупными группами. Первая русская (Нѣманская) армія подъ начальствомъ ген. Ренненкамфа, перейдя Нѣманъ, послѣ побѣды у Гумбинена и Инстербурга, двигалась на Кенигсбергъ. Вторая (Наревская) армія, подъ начальствомъ ген. Самсонова, перешла южную границу Восточной Пруссіи и двигалась на сѣверъ, почти подъ прямымъ угломъ къ фронту 1 арміи. Общее руководство обѣими этими арміями, насчитывавшими въ своемъ составѣ девять корпусовъ, было объединено въ рукахъ главнокомандующаго сѣверо-западнымъ фронтомъ ген. Жилинскаго.

Въ задачу этихъ армій входило отрѣзать отъ Вислы защищавшую Пруссію восьмую германскую армію и, какъ тогда говорили, «сбросить ее въ Балтійское море».

Разбитый Ренненкамфомъ командующій 8 арміей германскій ген. ф.-Приттвицъ, обезкураженный своими первыми неудачами, впалъ въ полный пессимизмъ, а потому германская главная квартира признала, что Приттвицъ неспособенъ защитить В. Пруссію отъ вторженія русскихъ. Онъ былъ замѣненъ находившимся съ 1911 г. въ отставку и проживавшимъ на покой въ Ганноверѣ ген. Гинденбургомъ. Начальникомъ штаба Гинденбурга былъ назначенъ ген. Лудендорфъ, отличившійся при взятіи германскими войсками Льежа.

Гинденбургъ и Лудендорфъ прибыли 10 августа (по ст. ст.) въ 2 часа дня въ Мариенбургъ и приняли командованіе арміей.

Въ этотъ день армія Самсонова, состоявшая изъ пяти корпусовъ (I — ген. Артамонова, XV — Мартоса, XIII — Ключева, VI — Благовѣщенскаго и XXIII корп.), обрушилась у Орлау-Франкенау на германскій XX корпусъ и принудила его къ отступленію. Однако, 11 августа наши войска не использовали этого своего успѣха и въ теченіе дня потеряли связь съ противникомъ.

Штабъ Самсонова находился въ Остроленкѣ. Нѣмцы утверждаютъ, что радіотелеграфистъ штаба второй арміи не имѣлъ кода для расшифровки шифрованныхъ телеграммъ и семь разъ подрядъ телеграфировалъ, чтобы ему шифрованныхъ телеграммъ не посылали.

Точно также, повидимому, не пользовался шифромъ при посылкѣ радіотелеграммъ и штабъ ген. Ренненкамфа. Ибо на разсвѣтъ 12 августа въ распоряженіе германскаго командованія были двѣ первостепенныхъ по своему значенію русскихъ радіотелеграммы, перехваченныя германскимъ радіо-телеграфистомъ, впоследствии извѣстнымъ летчикомъ Рихтхофеномъ.

Первая была адресована штабомъ Ренненкамфа Жилинскому и гласила:

«Моя армія достигнетъ 13 августа линіи Гердауень-Алленбургъ-Велау».

Вторая представляла собою ничто иное, какъ приказъ-диспозицію по арміи ген. Самсонова:

«Вторая армія наступаетъ 12 августа до линіи Алленштейнъ-Остероде. Главныя силы корпусовъ занимаютъ: XIII корпуса — линію Гиммендорфъ-Куркенъ, XV — Надрау-Паульсгутъ, XXIII — Михалкенъ-Гросъ-Гар-

диненъ; I корпусъ осгается въ районѣ Усдау».

Имѣя въ рукахъ эти два важнѣйшихъ документа, германское командованіе быстро составило планъ предстоящаго рѣшительнаго сраженія. Онъ заключался въ слѣдующемъ. Опираясь на чрезвычайно развитую желѣзнодорожную сѣть, снявъ съ фронта Ренненкамфа всѣ войска и, бросивъ ихъ навстрѣчу ген. Самсонову, разбить его армію прежде, чѣмъ ген. Ренненкамфъ успѣетъ зайти нѣмцамъ въ тылъ. Противъ 1 арміи былъ оставленъ заслонъ, въ который входила 1 кавалерійская дивизія и незначительныя силы ландвера и ландштурма.

Насколько планъ этотъ германскому командованію представлялся рискованнымъ, свидѣтельствуетъ телеграмма, отравленная Лудендорфомъ 11 августа въ Берлинъ:

«Неблагопріятный исходъ не исключается»...

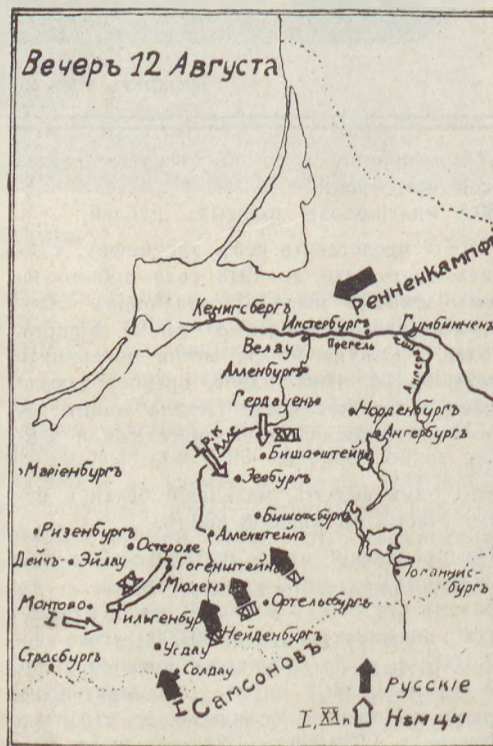
Однако, получивъ своевременно армейскій приказъ Самсонова, германское командованіе могло приступить къ осуществленію своего плана.

Нѣмцы располагали въ В. Пруссіи слѣдующими силами: XX корпусомъ на линіи Гилгенбургъ-Гогенштейнъ (см. чертѣжъ), I резервнымъ корпусомъ и XVII (ген. Макензена) на р. Алле. Теперь можно было выгружать изъ вагоновъ 1 корпусъ, прибывшій съ западнаго фронта на крайнемъ правомъ флангѣ германскаго расположенія. Если бы наши войска въ этотъ день атаковали нѣмецкій XX корпусъ, онъ былъ бы разбитъ. Но этого, къ сожалѣнію, не случилось.

Командующій 1 корпусомъ ген. Франсуа получилъ приказъ атаковать крайній лѣвый русскій флангъ, отрѣзать его отъ сообщеній и отбросить черезъ Нейденбургъ на востокъ.

2..

12 августа ген. Самсоновъ переживалъ въ своей ставкѣ томительные часы колебаній и неизвѣстности. Съ минуты на минуту ожидалъ онъ извѣстій о томъ, что его корпуса вступили въ сопикновеніе съ противникомъ и его атаковали. Но эти извѣстія не приходили. Въ томительной жарѣ и духотѣ русскія войска наступали нѣсколькими колоннами по неизвѣстнымъ дорогамъ враж-

дебной страны, пересѣченной озерами, болотами и лѣсными дефиле. По свидѣтельству русскихъ генераловъ и офицеровъ, взятыхъ въ послѣдствіи въ плѣнъ, русскіе наступали впередъ «точно съ завязанными глазами».

Самсонова мучилъ, главнымъ образомъ, вопросъ: гдѣ находились главныя силы противника — на сѣверѣ, какъ это утверждалъ ген. Жилинскій, или на западѣ, какъ упорно находили генералы Ключевъ и Мартосъ?

Оба эти командиры корпусовъ говорили, что, если наши войска будутъ продолжать свое наступленіе на сѣверѣ, то армія очутится подъ угрозой флангового удара. Кромѣ того, они оба просили дать войскамъ день для отдыха.

Это разногласіе въ оцѣнкѣ боевой обстановкѣ настолько парализовала волю Самсонова, что этотъ храбрый и боевой генералъ, отмѣченный лихими боевыми дѣйствіями въ русско-японскую войну, на нѣсколько часовъ утратилъ способность хладнокровно оцѣнивать мнѣнія своего высшаго начальства и своихъ подчиненныхъ и находить равнодѣйствующую. Правы были и Жилинскій, и командиры корпусовъ. Противникъ находился и на сѣверѣ, и на западѣ и готовился нанести нашимъ войскамъ двойной ударъ.

Чтобы положить, наконецъ, предѣлъ этимъ колебаніямъ, Самсоновъ рѣшилъ послать на аэропланѣ въ Волковыскъ, въ штабъ главнокомандующаго сѣверо-западнаго фронта, — генералъ-квартирмейстера арміи ген. Филимонова, чтобы лично доложить Жилинскому общую обстановку и испросить у него окончательныхъ распоряженій. Филимоновъ вернулся поздно ночью и сообщилъ приказаніе Жилинскаго. Оно было малоутѣшительнымъ. Жилинскій приказывалъ выполнить дальше отданный имъ приказъ и наступать на сѣверѣ на линію Алленштейнъ-Остероде. Жилинскій грозилъ отрѣшить отъ командованія всѣхъ, кто противился его распоряженіямъ. По его мнѣнію, на западѣ не могло быть большихъ силъ противника. По словамъ фонъ-Верта, ген. Жилинскій будто бы добавилъ слѣдующую фразу:

«Видѣть противника тамъ, гдѣ его нѣтъ — это трусость. Я требую отъ ген. Самсонова продолженія наступленія на сѣверѣ».

Между тѣмъ, въ штабѣ Гинденбурга, въ результатъ глубокой развѣдки летчиковъ въ русскомъ тылу, были получены извѣстія, что отъ Варшавы къ германской границѣ двигаются поѣзда, нагруженные свѣжими русскими дивизіями на усиленіе лѣваго фланга. Дѣло въ томъ, что правый нѣмецкій флангъ висѣлъ, такъ сказать, въ воздухѣ. Отъ 1 корпуса Франсуа и до крѣпости Торнъ шло пространство, по крайней мѣрѣ, въ 100 километровъ, защищенное нѣсколькими батальонами ландштурма и блиндированнымъ поѣздомъ крѣпости. Кромѣ того, корпусъ ген. Благовѣщенскаго на правомъ флангѣ русской арміи, двигався впередъ настолько медленно, что возможность его столкновенія съ корпусомъ Макензена на сѣверѣ, т. е. ближе къ фронту Ренненкамфа, становилась проблематичной.

Въ поискахъ выхода изъ положенія и желая примирить обѣ точки зрѣнія — Жилинскаго, съ одной стороны и Мартоса и Ключева — съ другой, ген. Самсоновъ поздно ночью на 13 августа отдалъ слѣдующій приказъ:

«VI корпусъ поворачиваетъ рано утромъ на западъ по направленію на Алленштейнъ. 4 кавалерійская дивизія этого корпуса наступаетъ на Зензбургъ и прикрываетъ правый флангъ арміи».

3.

Наступило 13 августа. Надъ В. Пруссіей стояла душливая жара. Люди и лошади дви-

ВЪ ВОСТОЧНОЙ ПРУССІИ
Русскія войска вступаютъ въ Лыкъ.

гались въ туманѣ зноя и пыли, изнемогая отъ жажды и задыхаясь подъ тяжестью снаряженія.

На разсвѣтѣ части ген. Франсуа натолкнулись, наконецъ, на русскія дивизіи. Около 4 часовъ утра большое сраженіе завязалось въ районѣ Уздау-Сольдау. Согласно планамъ Гинденбурга, здѣсь находился ключъ къ побѣдѣ.

Лѣвѣе Франсуа находилось расположеніе XX германскаго корпуса, образуя съ его корпусомъ непрерывный фронтъ. Далѣе къ западу слѣдовало пространство въ 50-60 километровъ, на которомъ не было ни одного германскаго солдата. Въ это пространство наступалъ XIII корпусъ ген. Ключева, готовясь занять Алленштейнъ. Далѣе форсированными маршами наступали съ сѣвера, повернувшись къ Ренненкамфу спиной: германскій генералъ Бѣловъ во главѣ 1 резервнаго корпуса и Макензенъ — XVII.

Положеніе русскихъ корпусовъ къ этому времени было слѣдующее:

1 корпусъ успѣшно отражалъ атаки Франсуа въ районѣ Сольдау-Уздау. Правѣе отъ него къ сѣверу, повернувшись фронтомъ на западъ, съ XX германскимъ корпусомъ завязалъ сраженіе ген. Мартосъ во главѣ XV корпуса. Генералъ Мартосъ — человекъ храбрый и рѣшительный, и его поведение во время этого сраженія заслуживало всякой похвалы. Его части дрались геройски. Правѣе его, наступая на незащищенный Алленштейнъ, шелъ на сѣверѣ въ пустое пространство Ключевъ. И, наконецъ, на лѣвомъ флангѣ, навстрѣчу Макензену и Бѣлову наступалъ Благовѣщенскій, получившій ночью отъ Самсонова неожиданный приказъ вернуться на Алленштейнъ.

Въ теченіе этого дня Франсуа удалось отбросить наши войска на главныя позиціи, но, неожиданно, на правомъ флангѣ его корпуса, появилась русская кавалерія, угрожая сообщеніямъ. Это вынудило Франсуа повернуть свой правый флангъ на югъ.

Между тѣмъ, части 4 русской дивизіи (корпуса ген. Благовѣщенскаго) наткнулись на два корпуса Бѣлова и Макензена и были вынуждены отступить къ Бишофсбургу. Это столкновеніе явилось для Благовѣщенскаго полною неожиданностью. Кромѣ безпроводнаго телеграфа, у командующаго

VI корпусомъ не было никакой другой связи со штабомъ Самсонова. Поэтому онъ былъ вынужденъ дѣйствовать совершенно самостоятельно, но не проявилъ должнаго хладнокровія и рѣшительности.

Нѣмцы утверждаютъ, что командиръ 4 дивизіи, вмѣсто того, чтобы бросить въ атаку всю дивизію сразу, дѣйствовалъ «по-курпаткински», т. е. посылалъ на противника одинъ полкъ своей дивизіи за другимъ. Въ результатъ дивизія къ концу дня была вынуждена отступить. Ген. Благовѣщенскій приказалъ другой дивизіи, входившей въ VI корпусъ (16-ой) и двигавшейся на западъ, остановиться и повернуть налѣво кругомъ. Одновременно онъ телеграфировалъ по беспроволочному телеграфу ген. Ключеву, прося у него поддержки, такъ какъ его дивизія натолкнулась на превосходныя силы противника.

Но тутъ повторилось то-же самое, что уже два раза повлекло за собою для насъ роковыя послѣдствія. Радиотелеграфистъ Благовѣщенскаго посылалъ шифрованныя радиogramмы, а штабъ Ключева не могъ ихъ расшифровать за отсутствіемъ кода.

4.

Вечеромъ 13 августа Гинденбургъ и Лудендорфъ подводили итоги этого дня. Они были для нѣмцевъ неудовлетворительны. Франсуа не удалось «отбросить» русскія части. Наши дивизіи на этомъ участкѣ боя окопались и стойко защищали свои позиціи. На крайнемъ правомъ флангѣ Франсуа скопились массы русской кавалеріи. Если бы она въ этотъ день устремилась бы въ тылъ 1 германскаго корпуса, планъ Гинденбурга, который заключался въ томъ, чтобы взять русскую армію въ клещи — рухнулъ бы, и побѣда нѣмцевъ превратилась бы въ ихъ поражение.

На правомъ флангѣ положеніе было своеобразнымъ: корпусъ Благовѣщенскаго какъ будто отступалъ предъ Макензенемъ и Бѣловымъ. Но нѣмцы не знали, что онъ отступалъ гораздо скорѣе, чѣмъ можно было предполагать. Дѣло въ томъ, что въ необстрѣленныхъ русскихъ частяхъ возникла паника, и теперь одна изъ русскихъ дивизій откатывалась къ югу, совершенно не считаясь съ общей обстановкой боя. Армія же

НА ЗАПАДНОМЪ ФРОНТѢ

Сраженіе подѣ Эпенемъ, во время котораго густыя германскія цѣпи были уничтожены англійскими пулеметами въ собачьей запряжкѣ.

Ренненкамфа наступала въ этотъ день скорѣе, чѣмъ можно было предположить на основаніи его телеграммы 12 августа. Она была въ одномъ днѣ перехода въ тылу Макензена. Поэтому не было ничего удивительнаго въ томъ, что въ штабѣ Гинденбурга настроеніе было далеко не побѣднымъ.

Въ это время штабъ Самсонова находился въ Нейденбургѣ. Здѣсь около четырехъ часовъ состоялся обѣдъ штаба, въ которомъ принялъ участіе англійскій военный агентъ, извѣстный по гражданской войнѣ ген. Ноксъ. Изъ I корпуса (ген. Артамонова) поступали утѣшительныя извѣстія. Корпусъ окопался и удерживалъ въ теченіе дня свои позиціи. Ожидались подкрѣпленія съ юга. Такъ же никакихъ опасеній не вызывало положеніе корпусовъ Мартоса и Ключева, который занялъ безъ боя Алленштейнъ. Но Самсоновъ не зналъ того, что надъ крайнимъ правомъ флангомъ его арміи нависла смертельная угроза: VI корпусъ Благовѣщенскаго, охваченный паникой, стремительно отходилъ предъ Макензеномъ къ югу и уже подходилъ въ полномъ безпорядкѣ къ Ортельсбургу, т. е., другими словами, въ этомъ мѣстѣ сраженія планъ Гинденбурга осуществлялся гораздо скорѣе, чѣмъ это можно было ожидать.

Наступилъ роковой день 14 августа. Утромъ свѣжія русскія части атаковали Франсуа въ районѣ Уздау и принудили его къ отступленію. Также вполне благоприятно было положеніе на фронтѣ корпуса ген. Мартоса, который предпринялъ диверсію къ охвату лѣваго фланга германскаго XX корпуса. Ключевъ занялъ Алленштейнъ, гдѣ его части корпуса нашли большія запасы пива и, несмотря на принятія мѣры къ его уничтоженію, имъ воспользовались.

Катастрофа русской арміи грозила на правомъ флангѣ, который, въ виду стремительнаго отхода Благовѣщенскаго, совершенно обнажился, и Макензенъ грозилъ охватить русскую армію съ востока и юга.

А Ренненкамфъ? Вопреки ожиданіямъ германскаго командованія, онъ продвинулся впередъ очень мало: его передовыя части еще только начали переходить р. Алле.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Ноксъ, видѣв-

шій Самсонова въ это утро въ штабѣ въ Нейденбургѣ, рассказываетъ, что командующій русской арміей очень беспокоился объ отсутствіи писемъ отъ своей жены. Но въ общемъ Самсоновъ радовался, что сраженіе, наконецъ, завязалось по всему фронту и что теперь онъ можетъ лично за нимъ наблюдать съ высоты любого холма.

Говорятъ, что въ это утро Самсоновъ пожелалъ лично осмотрѣть участокъ фронта ген. Мартоса и, простившись съ своимъ начальникомъ штаба ген. Постовскимъ, отбылъ на автомобиль на передовыя позиціи. Его видѣли на высотѣ 195, наблюдающимъ съ большимъ интересомъ въ бинокль ходъ боя XV корпуса. Однако, связь штаба второй арміи съ командующимъ была утрачена. Въ штабѣ оставался ген. Постовскій, который долженъ былъ принять на себя цѣлый рядъ отвѣтственныхъ рѣшеній.

Въ этомъ отношеніи характеренъ эпизодъ, описанный ф. Вертомъ, который разыгрался между командиромъ XV корпуса ген. Мартосомъ и начальникомъ штаба второй арміи ген. Постовскимъ. Оставляемъ его достоверность на совѣсти нѣмецкаго автора.

Съ большимъ волненіемъ наблюдавъ вдалекѣ отъ м. Надрау Мартосъ бои, которые развивались на фронтѣ его корпуса. Онъ видѣлъ, что его прогнозъ относительно сосредоточенія главныхъ силъ противника на западѣ былъ совершенно правильнымъ. Его раздраженіе противъ Жилинскаго и Самсонова не знало предѣловъ. Однако, при ближайшемъ ознакомленіи съ донесеніями, Мартосъ пришелъ къ убѣжденію, что положеніе могло бы сложиться для его корпуса даже благоприятно. Вѣдь флангъ нѣмецкаго XX корпуса фактически висѣлъ въ воздухѣ. Если бы въ распоряженіи Мартоса было бы достаточно силъ, чтобы обойти этотъ флангъ, наша побѣда была бы обеспечена.

Онъ приказалъ соединить телефонъ со штабомъ Самсонова. Но, къ величайшему удивленію Мартоса, командующаго арміей въ штабѣ не было. Съ нимъ говорилъ ген. Постовскій.

— Командующій арміей выѣхалъ въ расположеніе вашего корпуса.

Мартосъ вышелъ изъ себя и рѣзко отвѣ-

тилъ, что въ этотъ рѣшительный моментъ боя онъ не можетъ разсылать вѣстовыхъ на поиски командующаго арміей. Но Постовскій въ этомъ не былъ виноватъ, и Мартосъ смягчился. Онъ просилъ Постовскаго передвинуть весь корпусъ Ключева, который стоять въ полномъ бездѣйствіи въ Алленштейнѣ, на поддержку праваго фланга XV корпуса.

Эта просьба Мартоса въ штабѣ арміи успеха не имѣла. На помощь Мартосу была послана всего лишь одна бригада...

А въ это время кольцо вокругъ арміи смыкалось...

5.

Нѣмецкій майоръ Гроссе, въ своихъ воспоминаніяхъ, посвященныхъ Сольдау, даетъ русской арміи и ея военачальникамъ въ этомъ сраженіи слѣдующую знаменательную оцѣнку:

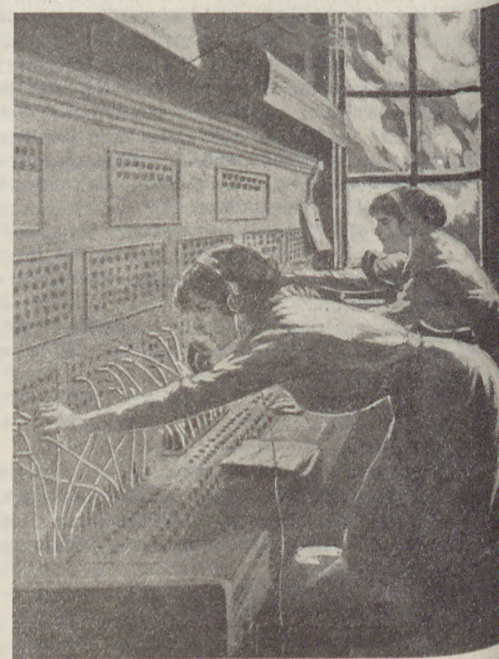
«Еще во время объявленія мобилизаціи нѣкоторыя нѣмецкія газеты позволяли себѣ насмѣшки надъ русской арміей. Но это было преждевременно. Въ сраженіи подъ Сольдау русскіе дрались съ нами, какъ равные съ равными. Они показали чудеса храбрости. Ихъ артиллерія стрѣляла превосходно. Пѣхота быстро и чрезвычайно искусно окаймивалась, чего нельзя было сказать про нѣмецкую пѣхоту. Но у русскихъ было недостаточно выдержки, чтобы противостоять нашему стремительному натиску. У нихъ были плохо поставлены развѣдка и служба связи. Все большіе и большіе участки ихъ фронта отваливались и выходили изъ боя. Русское командованіе было духовно недостаточно эластично, чтобы быстро принимать вѣрныя рѣшенія».

Армія Ренненкамфа нависла надъ нами, какъ грозная туча», писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Сольдау Лудендорфъ: «Ей стоило только поторопиться, и мы были бы разбиты».

Къ тому же у нѣмцевъ во всей В. Пруссіи не было ни одного человѣка въ резервѣ.

17 и 18 августа два свѣжихъ русскихъ корпуса неожиданно подошли отъ Млавы и пробовали облегчить положеніе второй арміи. Но было уже слишкомъ поздно. Кольцо вокругъ двухъ русскихъ корпусовъ замкнулось. Остальныя дивизіи отступали черезъ границу на югъ. 18 августа ген. Самсоновъ, видя, что ему не избѣжать плѣна, умчался на конѣ въ лѣсъ, гдѣ покончилъ расчеты съ жизнью...

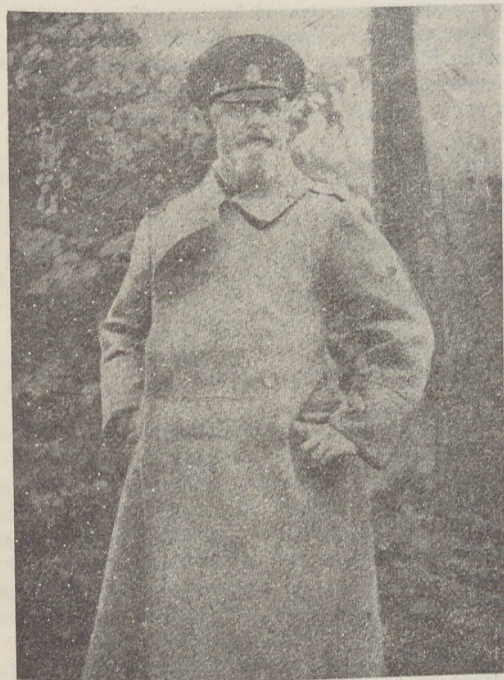
Г. Н.—Д.

Русскіе наступаютъ...

Русскіе писатели и артисты

во время войны

Академикъ А. А. КОРОВИНЪ
въ формѣ уполномоченнаго Краснаго Креста.

Ф. И. ШАЛЯПИНЪ съ семьей въ своемъ лазаретѣ въ Москвѣ.

Н. В. ПЛЕВИЦКАЯ,
работавшая на фронтѣ въ качествѣ сестры милосердія.

А. И. КУПРИНЪ въ офицерской формѣ съ дочерью Ксеніей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

ОТЪ СТОЛУПЕНЕНА ДО ЭЙДКУНЕНА

Я жилъ въ Гомбургѣ около Франкфурта, когда появился австрійскій ультиматумъ. Смысль его не оставлялъ мѣста сомнѣнью. Сами нѣмецкія газеты, не обинуясь, говорили, что подчиниться ему, значитъ перестать быть самостоятельнымъ государствомъ; подчеркивали, что ультиматумъ, нарочно составленъ въ неприемлемой для Сербіи формѣ и злорадно вопрошали: что теперь скажетъ Россія? Настроеніе многочисленныхъ русскихъ быстро опредѣлилось, стало всеобщимъ: война неизбѣжна. Нѣмцы этого не понимали, имъ казалось, что все дѣло въ Сербіи: Австрія дастъ ей урокъ, зачѣмъ Россія въ это мѣшается? Директоръ санаторіи, гдѣ я жилъ, любившій говорить со мною о политикѣ, меня успокаивалъ: война будетъ локализована. — «То, что вы называете, локализацией, съ нашей стороны было бы предательствомъ. — Россія Сербію не можетъ покинуть». Онъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. — «Что же, вы хотите европейскую войну?» — «Мы ея не хотимъ, но вы дѣлаете ее неизбѣжной». Нѣмецъ улыбался съ сознаниемъ превосходства. — «Да развѣ вы можете воевать? Читайте газеты: въ Польшѣ возстаніе, въ Петербургѣ забастовки, Англія — сама въ гражданской войнѣ».

Мы жадно ожидали откликовъ изъ Россіи. Нѣмецкія газеты передавали по телеграфу, будто одно «Новое Время» поднимаетъ перчатку, что «Рѣчь» — за невмѣшательство, а население равнодушно, вмѣстѣ съ тѣмъ торжествующе отмѣчали, что итальянскій офиціозъ за Австрію, что Англія противъ Сербіи, а Франція сдержана. — «Вы видите, — говорилъ директоръ, — вы остаетесь одни».

Я предупредилъ его, что если начнется война между Австріей и Сербіей, я тотчасъ же уѣду. Онъ не могъ понять, изъ за чего, и что намъ за дѣло до зазнавшейся Сербіи?

Въ день, назначенный для отвѣта, въ газетахъ появился слухъ, будто Сербія уступаетъ. Вечеромъ я былъ въ кургаузѣ; нѣсколько русскихъ стояли, дѣлились впечатлѣніями. Вдругъ, на стѣнѣ появилась телеграмма: «Отвѣтъ Сербіи признанъ неудовлетворительнымъ, посланникъ выѣхалъ». Заиграли австрійскій гимнъ, нѣмцы встали. Мы бросились къ столу и сѣли. Половина террасы стояла, половина сидѣла. Настроеніе въ общемъ миролюбивое, никто не сдѣлалъ сидѣвшимъ ни малѣйшаго замѣчанія. Но оставаться тамъ было тяжело, — я ушелъ домой и слышалъ оттуда, какъ играли гимнъ и кричали «хохъ».

Политическій барометръ продолжаетъ колебаться. Австрія освободила Путника и не начала военныхъ дѣйствій, что учитывали, какъ шагъ къ соглашенію. Курсъ на русскіе рубли, упавшій до 198, поднялся до 208; заговорили опять о посредничествѣ. Мы оставались на мѣстѣ, ожидая событий.

Въ понедѣльникъ я поѣхалъ въ Наугеймъ. Узнавъ, что тамъ былъ М. В. Родзянко, зашелъ къ нему, онъ убѣждалъ на другой день, не кончивъ леченія, совѣтовалъ ѣхать всѣмъ русскимъ и членамъ Думы особенно. Но я не терялъ надежды, что Австрія уступитъ, какъ только мы возьмемъ твердый топъ. Мы условились, что Родзянко, узнавъ положеніе въ Петербургѣ, пришлетъ телеграмму.

Въ четвергъ я получилъ телеграмму изъ Верхболово: Родзянко совѣтовалъ возвращаться. На другой день, въ пятницу, я выѣхалъ съ ночнымъ поѣздомъ въ Берлинъ.

У меня до Берлина было спальное мѣсто. Но во Франкфуртѣ, гдѣ я долженъ былъ пересаживаться, была полная паника. Трогуары завалены горами багажа. Толпа брала поѣздъ съ бою, носильщиковъ не было. Поѣзда отходили безъ распisanія и порядка. Имѣя спальное мѣсто, я не могъ найти своего поѣзда и онъ ушелъ безъ меня. Я сѣлъ въ другой поѣздъ, попалъ случайно въ одно купѣ съ членомъ Государственнаго Совѣта княземъ Б. Васильчиковымъ, съ которымъ пришлось пережить всѣ мытарства до Петербурга.

На Фридрихштрассе — та-же картина, что и во Франкфуртѣ: груды багажа, ни носильщиковъ, ни начальства. Ни одного автомобиля. Поѣхали въ «Бристоль» — на Унтеръ-лендъ, рядомъ съ нашимъ посольствомъ. Толпа человекъ въ 300 стояла передъ нимъ, ожидая. Улица имѣла праздничный видъ, не воинственный, не злобный, а праздничный и легкомысленно оживленный.

Я взялъ газету: «Ультиматумъ анъ Русляндъ». Къ 12 часамъ ожидался отвѣтъ. Въ газетахъ я прочелъ и официальную версию, которая отвѣтственность старалась переложить на Россію. Говорилось, будто, по личной телеграммѣ Государя, Вильгельмъ согласился принять посредничество въ Вѣнѣ, будто, въ это время онъ узналъ, что Россія тайно мобилизуется. Онъ запросилъ, что это значитъ, ему дали уклончивый отвѣтъ, но мобилизация продолжалась. Тогда, будто бы, возмущенный тѣмъ, что его обошли, онъ послалъ ультиматумъ. Такъ говорили газеты и я на другой день эту версию встрѣтилъ въ Эйджунѣ.

Ко мнѣ зашелъ берлинскій житель и рассказалъ о сказанной, наканунѣ, Вильгельмомъ рѣчи къ народу. Вильгельмъ со всей семьей ѣхалъ на автомобиль по Унтеръ-лендъ въ свой замокъ. Толпа окружила автомобиль, онъ двигался шагомъ. Вильгельмъ, обыкновенно привѣтливо отвѣчающій на поклоны, мрачно молчалъ, вперивъ взоръ впередъ, никого не замѣчая. Сзади, на другомъ автомобильѣ, радостный и торжествующій ѣхалъ кронпринцъ, пожимая всѣмъ руки. Автомобиль скрылся за оградой и черезъ полчаса Вильгельмъ вышелъ на балконъ и сказалъ свою рѣчь, сокращенную

и подкрашенную въ официальной редакціи. «Вы видите, — добавилъ собесѣдникъ, — лично Вильгельмъ не хочетъ войны. Но онъ сознаетъ свою силу и не отступить. Таковъ и весь народъ — онъ войнѣ не радуется, но ея не боится». Что нѣмцы не радуются войнѣ, я самъ могъ убѣдиться. Я со многими разговаривалъ, не встрѣтилъ ни разу ни одного грубаго взгляда и слова; звѣрство произошло позднѣе. Всѣ смотрѣли на войну, какъ на большое несчастье. — Мы такъ хорошо живемъ съ вами, русскими, — говорили всѣ, — зачѣмъ вы напали на насъ? Официальная нѣмецкая ложь была необходима, чтобы примирить народъ съ этой войной.

Часовъ въ 6 вечера я съ балкона смотрѣлъ на толпу, какъ вдругъ произошло движеніе. По бульвару пронеслись автомобили и велосипеды и раскидывали какіе-то листки. Это было сообщеніе, что кайзеръ только что подписалъ указъ о мобилизации, а завтра, — говорилось тамъ, — ожидается объявленіе войны. А въ это время въ Петербургѣ Пурталесъ уже объявилъ намъ войну, вручивъ по ошибкѣ обѣ противорѣчивыя ноты.

Часа за два до поѣзда, мы съ кн. Васильчиковымъ поѣхали, по совѣту швейцара, не на Фридрихштрассе, а въ Шарлоттенбургѣ; намъ посчастливилось неожиданно достать спальныя мѣста. Какая-то дама въ нашемъ отелѣ, давно ихъ доставшая, не хотѣла ѣхать безъ багажа, который еще не дошелъ до Берлина. Масса знакомыхъ тоже осталось до завтра, просили извѣстить, какъ поѣдемъ черезъ границу. Но становилось сомнительнымъ, чтобы это было возможно. Мнѣ надо было послать въ Англію денешу и казенное письмо. Денешу приняли, но только по-нѣмецки, письмо вовсе не приняли, предупредивъ, что оно должно быть не запечатано и написано по-нѣмецки. А Англія еще считалась «нейтральной».

Намъ говорили въ отелѣ, что въ Шарлоттенбургѣ достать мѣсто будетъ легко. Но площадь передъ вокзаломъ была такъ запружена, что мы истратили около часу пока дошли до перона. Я узналъ потомъ въ Россіи, что многіе, собиравшіеся уѣхать, не добрались до вагона. На станціи былъ полный хаосъ, очевидно, нѣмцы такъ привыкли къ порядку, что въ беспорядкѣ терялись, — большой минусъ въ сравненіи съ нами.

Рано утромъ, въ наше купѣ, вошелъ кондукторъ и потребовалъ открыть шторы. Мы ѣхали мостомъ. Солдаты стояли съ наведенными на поѣздъ ружьями. Солдаты на перонахъ станцій, солдаты въ каждомъ вагонѣ. Всѣ въ походномъ снаряженіи, всѣ съ биноклями, но кое-что бросается въ глаза по своей непрактичности. Мундиры цвѣта хаки были изъ толстого сукна, не по сезону; на головахъ неудобныя и тяжелыя каски, ружья безъ штыковъ.

Въ поѣздѣ продолжалась прежняя давка, пройти въ вагонъ-ресторанъ возможности не было. Кельнеры, какимъ то чудомъ, принесли кофѣ по 10 марокъ за чашку.

Проѣхали Кенингсбергъ, разъ насъ тамъ не остановили, явилась надежда, что доедутъ до границы. Но въ Столлуненѣ насъ ждало что-то недоброе. На платформѣ стояла группа военныхъ. Семафоръ былъ закрытъ. Офицеры что-то прокричали машинисту и поѣздъ остановился. «Алле аусштейгенъ».

Мы съ вещами столпились на платформѣ. Поѣздъ отодвинули. Что будетъ дальше? Офицеры равнодушно пожимали плечами.

— «Васъ дальше не повезутъ, границу нельзя перейти».

— «Что же намъ дѣлать?»

— «Возвращайтесь въ Берлинъ».

Этому не вѣрилось. Казалось, одно изъ двухъ: либо всю массу людей брать въ плѣнъ, на свое содержаніе, либо выпустить за границу. Надо насъ разстрѣлять, помѣстить въ концентрированные лагеря, какъ буровъ, или дать возможность уйти. Нѣмцы куражатся, они насъ подержатъ и выпустятъ — таково было общее мнѣніе. Нечего беспокоиться, будемъ ждать и смотрѣть, какъ они выйдутъ изъ своего глупаго положенія.

Но доброе настроеніе продолжалось недолго. Намъ предложили очистить платформу. Мы втиснулись въ маленькій буфетъ, но и тамъ не пришлось оставаться, туда явились запасные и не всѣ трезвые, возбужденные и недружелюбные. На стѣнѣ уже висѣла телеграмма о первыхъ стычкахъ: говорили, что идетъ бой у Эйдкунена. Мы всѣ очутились на улицѣ передъ станціей.

Время шло, а мы все еще ждали. Кто совѣтовалъ возвратиться въ Берлинъ и попытаться пробраться на Швецію, кто думалъ на лошадахъ ѣхать въ Эйдкуненъ. Мы надѣялись, что наше присутствіе станетъ въ тягость, что сами нѣмцы постараются насъ выпроводить. Насъ окружила толпа мѣстныхъ жителей, сдержанная, но недружелюбная; она не обижала, но никто не хотѣлъ помочь намъ, ни дать намъ совѣтъ. Я разговаривалъ съ нѣкоторыми, всѣ обвиняли насъ въ томъ, что мы первые попали, что мы тайно мобилизовались, — версія выпущенная изъ Берлина.

Между тѣмъ, одинъ за другимъ шли поѣзда изъ Эйдкунена, ихъ провожали криками, о насъ не думали. Былъ уже третій часъ дня, мы съ утра ничего не ѣли. Бывшая съ нами княгиня М. А. Трубецкая рѣшила пойти къ офицеру-коменданту станціи и откровенно съ нимъ поговорить. «Женщины удобнѣе, съ ними разговариваютъ», — говорила она. Она скоро вернулась, офицеръ былъ любезенъ и вѣжливъ, но ничего не могъ разрѣшить: — «Я понимаю ваше положеніе, но отъ меня ничего не зависитъ. Власть у уланскаго полковника — начальника гарнизона. Ступайте къ нему». И онъ своей рукой написалъ ей на бумажкѣ: «Уланенъ Региментъ».

Княгиня рѣшила этому совѣту послѣдовать, но хотѣла идти только одна. Взяла въ проводники нѣмецкаго мальчика и отправилась. Но едва она скрылась за угломъ, какъ мы съ кн. Васильчиковымъ раскаялись, что ее одну отпустили, и рѣшили ее догнать. Какой-то возница, на скверной лошаdkѣ въ повозкѣ, взялся насъ довести. Онъ ѣхалъ наперерѣзъ и мы ее скоро увидѣли. Она быстро шла по площади уже не съ мальчи-

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II НА ПРОГУЛКѢ ВЪ БЕРЛИНСКОМЪ ТИРГАРТЕНѢ за нѣсколько дней до объявленія войны.

комъ, а съ бородатымъ мужчиной. Она направилась по улицѣ, перегороженной рогаткой, около которой стояло нѣсколько солдатъ и небольшая толпа. Мы уже почти догнали ее, и соскочили съ повозки, какъ вдругъ увидѣли что-то странное и неожиданное. Солдаты сразу бросились на княгиню и схватили ее. Толпа ринулась къ ней, солдаты быстро отгородили ее отъ толпы, окружили кольцомъ и повели. Въ толпѣ раздались радостныя восклицанія: «Поймали шпиона». Бородатый спутникъ княгини съ гордостью всѣмъ объяснилъ: «Я первый ее замѣтилъ, я слѣдилъ за ней отъ вокзала, она сама показывала записку: «Уланенъ Региментъ». Почему она знаетъ, что у насъ стоитъ этотъ полкъ?»

Мы шли за ней въ первыхъ рядахъ, видѣли, какъ два солдата за обѣ руки держали ее. Она обернулась, увидѣла насъ, и сдѣлала глазами знакъ — не подходить.

Мы подошли къ гауптвахтѣ, солдаты у входа разступились и княгиню ввели во дворъ, толпу, и насъ въ томъ числѣ, туда не пустили. Но не успѣли мы сказать нѣсколько словъ, какъ кто-то крикнулъ: «Они были вмѣстѣ съ ней!» и насъ тоже схватили и привели туда, гдѣ ожидала княгиня.

— Ну, зачѣмъ вы пришли, — съ упрекомъ сказала она, — нѣмцы тотчасъ же закричали: «Говорите по-нѣмецки!»

Мы ждали нѣсколько минутъ, то и дѣло прѣзжали уланы съ конвертами, ихъ брали, прочитывали и давали имъ новыя.

— Только бы не началось дѣло у Эйдкунена, — шепнулъ я кн. Васильчикову, — тогда все пропало».

Явился полковникъ. Довольно рѣзко спросилъ: «Что вамъ нужно?» Княгиня невозмутимымъ тономъ отвѣтила:

— «Что меня на улицѣ схватили грубые шутманья, я не удивляюсь, — война, такъ война. Что глупая толпа сочла меня за шпи-

онку, я гоже понимаю, — что отъ нихъ требовать? Но, что нѣмецкій офицеръ такимъ тономъ обращается къ женщинѣ, я не ожидала!»

Офицеръ болѣе мягко спросилъ: «Кто вы такая?»

Княгиня протянула ему паспортъ. Онъ кому-то мигнулъ, ей подали стулъ. Онъ опять спросилъ, какъ вы попали сюда, и, выслушавъ отвѣтъ, куда-то ушелъ. Мы остались одни. Черезъ нѣсколько времени онъ возвратился: «Произошло недоразумѣніе, вы свободны».

— «Позвольте, — отвѣтила княгиня, — я шла именно къ вамъ, съ вами поговорить, а вы меня отпускаете безъ отвѣта».

— «Что вамъ угодно?»

— «Разрѣшите намъ, которымъ вчера въ Берлинѣ продали билетъ до Вержболово, дойти до него пѣшкомъ».

— «Противъ этого я ничего не имѣю — идите».

— «Но вы вѣдь видите, — говорю я ему, — что значить идти теперь, даже по городу. Безъ всякихъ основаній насъ притащили сюда. Что же будетъ тамъ на границѣ?»

— «Чего же вы желаете?»

— «Дайте намъ солдата, который проводить насъ до Эйдкунена».

— «Этого я не могу».

— «Такъ дайте письменный пропускъ».

— «Это съ удовольствіемъ. Сколько васъ?»

Княгиня отвѣтила: «Отъ двухъ до трехъ сотъ». Онъ засмѣялся. — «О, такихъ пропусковъ я не дамъ. Я двухсотъ человекъ не вижу. Сколько васъ здѣсь?» И онъ далъ намъ пропускъ «ейне Даме ундъ цвей Геренъ», до 8 часовъ вечера.

Было уже 4 часа, а до Вержболово было 16 верстъ.

Мы пошли съ гауптвахты, большая толпа насъ ожидала, но она казалась сконфуженной. Княгиня отыскала своего провожа-

Бѣженцы-евреи въ Польшѣ.

таго, который ее предалъ, показала ему пропускъ: «Вы довольны теперь?» — «Недоразумѣніе, съ каждымъ можетъ случиться». У заставы солдаты сконфуженно сдѣлали подковырекъ, насъ не трогали.

Мы вернулись на станцію. Что дѣлать? Пропускъ былъ данъ на троихъ. Одни говорили надо идти всѣмъ къ уланамъ за пропусками, другіе — идти съ нами безъ пропуска, иныя — хотѣли здѣсь ночевать. Но это становилось опасно. Толпа была хоть благодушна, но подозрительна. Благодушіе исчезло бы съ первымъ раненымъ. Уже какой-то полупьяный нѣмецъ приставалъ къ намъ, крича, чтобы мы расходились: «Всякія собранія запрещены».

Въ переговорахъ наступилъ 5-ый часъ. Времени до 8-ми было мало. Мы раздѣлились. Одни пошли къ уланамъ за новыми разрѣшеніями, другіе (человѣкъ 30) не хотѣли отстать отъ насъ и пошли вмѣстѣ съ нами въ Эйдкуненъ. Мы рѣшили идти скорѣе, чтобы не опоздать и уговорить мѣстныхъ власти не дѣлать препятствій. Ручной багажъ бросили и двинулись въ путь.

Цѣлая толпа ротозѣевъ пошла вмѣстѣ съ нами. «Васъ не пропустятъ». При выходѣ изъ Столлупенена была вновь застава. Унтеръ-офицеръ поднялъ руку. Я двинулся впередъ съ пропускомъ. Вновь окрикъ: «Гальтъ», и солдаты картинно прицѣлились. Унтеръ-офицеръ подошелъ: «Куда вы идете?»

Я далъ ему пропускъ. Онъ удивился и его долго рассматривалъ. Потомъ вдругъ опомнился: «Пропускъ на троихъ, а васъ здѣсь тридцать».

— «Насъ только трое, остальные сами пришли. Но уланскій полковникъ всѣмъ разрѣшилъ идти безъ пропуска».

— «Этого я не знаю. Если бы вы пришли втроемъ, я бы могъ вамъ вѣрить, а теперь гдѣ гарантія, что вы не идете съ чужими пропусками?»

— «Пропускъ данъ вашимъ начальствомъ, вы ему не вѣрите и его критикуете».

— «И все-таки я не могу. Подождите».

Онъ ушелъ, прошло много времени, когда онъ вновь возвратился. «Пропустить васъ я не могу, но вотъ, что я сдѣлаю. Идите назадъ къ уланамъ, пусть полковникъ пропишетъ ваши имена, а я буду пропускать васъ по паспортамъ. А во избѣжаніе недоразумѣній, дамъ вамъ солдата, онъ васъ проводитъ».

Пришлось идти назадъ въ сопровожденіи солдата и цѣлой толпы любопытныхъ. Но мы не дошли до конца. По дорогѣ встрѣтили другого солдата, который шелъ съ новымъ приказомъ: было рѣшено пускать всѣхъ, у кого паспортъ въ порядкѣ.

Вся толпа въ 200-300 человѣкъ двинулась. Но времени было мало. Идти оставалось 16 верстъ, а времени было менѣе 3-хъ часовъ, среди насъ были женщины и дѣти. Надо было идти какъ можно скорѣе, дойдя до Эйдкунена до 8-ми часовъ вечера, уговорить мѣстныхъ власти не смотрѣть строго за временемъ и просить нашихъ, пока мы всѣ не перейдемъ, воздержаться отъ перестрѣлки.

Мы пошли во весь духъ и процессія растянулась на нѣсколько верстъ. Нашъ провожатый солдатъ прошелъ съ нами еще три заставы, потомъ остановился: «Больше васъ никто не потревожитъ. Идите прямо и не забывайте инструкціи: не садитесь, не ложитесь, не останавливайтесь, не толпитесь группой, иначе въ васъ будутъ стрѣлять безъ предупрежденія».

По дорогѣ встрѣтили повозки и пытались ихъ нанимать, чтобы довести слабыхъ до станціи. Одинъ шарабанъ согласился было за 100 марокъ довести до Эйдкунена. — «Деньги впередъ». — Мы ему съ радостью дали.

— «Мнѣ не надо бумажекъ, дайте золота».

— «Но вѣдь бумажки то ваши — нѣмецкія!»

— «Они ничего не стоятъ теперь». — Золота уже нѣсколько дней не выдавали изъ банковъ, и онъ насъ не повезъ.

По дорогѣ насъ встрѣтилъ развѣздъ улановъ. Онъ насъ даже не остановилъ и не спрашивалъ.

Вдали показался Эйдкуненъ. Изъ будки вышли и перегородили трое военныхъ, точь-въ-точь такіе, какими на картинкахъ рисуютъ пруссаковъ: рослые, здоровые, въ каскахъ и плащахъ.

— «Куда вы идете?»

— «Въ Россію». Громкій хохотъ.

— «Пройти нельзя».

Я смутился. Неужели все было напрасно. — «Но мы идемъ съ разрѣшенія вашего начальства, у насъ есть пропускъ».

Въ это время подходятъ другіе.

— «Да много ли васъ?»

— «Человѣкъ триста. Вы видите толпу — все это съ нами».

— «Какъ же вы сюда попали?»

— «Господинъ офицеръ, — сказала я ему, — вы насъ задерживаете, а намъ дана строгая инструкція не толпиться. Почему вы насъ не пропускаете?»

Онъ опять разсмѣялся: — «Это не я васъ не пускаю — идите, но вы будете разстрѣлены русскими, какъ только покажетесь изъ Эйдкунена».

— «Мы будемъ махать бѣлымъ флагомъ».

— «Сколько угодно, но долженъ васъ предупредить, если вы оттуда пойдете назадъ, то я въ васъ буду стрѣлять».

Эйдкуненъ былъ пустъ, дома закрыты и ставни забиты. Всякая надежда, въ какой-нибудь гостинницѣ достать стаканъ воды, была тщетна: все заперто. Улицы забаррикадированы всякой рухлядью, перебиты колючей проволокой, а мостовыя усыпаны битымъ стекломъ. На стѣнахъ домовъ — велеречивыя объявленія: по высочайшему повелѣнію объявляется жителямъ, что въ случаѣ войны, они не безпокоились: ни одна часть Восточной Пруссіи не останется не защищенной.

На площади, передъ самой границей, насъ встрѣтило нѣсколько молодыхъ людей.

— «Куда вы идете? Оставьте здѣсь. Бояться нечего. Вы достанете здѣсь и помѣщеніе, и столъ. Хотите русскихъ денегъ? Дадимъ сколько угодно. Гдѣ вашъ багажъ?»

— «Бросили въ Штоллупененъ».

— «Зачѣмъ? Погодите, мы за нимъ съѣдимъ».

— «Мы лучше положимъ въ Вержболово».

— «Но тамъ нѣтъ никого. Вержболово очищено. Это — нейтральная зона. Русскіе въ Волковыскъ — въ 24 верстахъ отъ Вержболова».

Какъ сильно ни потрясло насъ извѣстіе, что въ Вержболово нѣтъ никого, что надо идти еще 24 версты, но мы не послушали этихъ сиренъ и торопились къ себѣ.

Перешли послѣднюю рѣчку, мостъ, который былъ тоже забаррикадированъ и очутились въ Россіи.

Нѣсколько шаговъ и мы услышали окрикъ: «Стой!» На углу домика стоялъ русскій солдатъ. Мы радостно бросились къ нему съ вой.

Описать дальнѣйшаго не могу, по условіямъ военной цензуры. Уже потомъ оказалось, что значительная часть нашей партіи не дошла до Вержболова. Нѣмцы одумались, послали за ними и хвостъ нашей процессіи повернулъ назадъ. Они возвратились въ Россію много позднѣе черезъ Шиндлеръ.

В. Маклаковъ

(«Русскія Вѣдомости», 6 августа 1914 г.)

ВЕЧЕРА У ДЪДА-ВСЕВЪДА

Вечеръ восьмой

То-есть эта исторія вышла у меня съ дачей, врагу не пожелаю. Прямо дурацкая кака-то исторія.

Снял я дачку въ очень хорошемъ мѣстѣ, лѣсокъ, рѣчка и прочее. Три комнатки. Я рассчиталъ такъ: одну комнату займу самъ, а двѣ сдамъ. И вотъ я, значитъ, помѣстилъ въ газетѣ публикацію, что сдаю въ роскошномъ мѣстѣ двѣ прекрасныя комнаты.

Въ понедѣльникъ останавливается у моей виллы автомобиль. У руля сидитъ хорошенькая, рыжая дѣвица, а въ машинѣ два господина: одинъ бѣлобрысый, какъ шведъ, другой — черный, какъ португалецъ.

Дѣвица выльзаетъ первая и рекомендуется:

— Мадмуазель Флора Сюсюкина.

— Очень приятно, — я говорю, — прошу покорно въ домъ.

— А это, — показываетъ дѣвица на бѣлобрысаго, — мой родной братъ Евгений Сюсюкинъ.

— А сей молодой человѣкъ, — продолжаетъ дѣвица, показывая на bruneta, — тоже мой родной братъ, Эрнестъ Лягавый.

— Радъ познакомиться, — говорю я.

Мнѣ, конечно, сразу-же показалось страннымъ, что у одного брата дѣвицы фамилія, какъ и у нея, Сюсюкинъ, а у другого брата фамилія Лягавый. Но тутъ же я порѣшилъ, какъ и всякій, навѣрно, разсудилъ бы на моемъ мѣстѣ, что Лягавый не настоящая фамилія, а актерскій или писательскій псевдонимъ.

Пріѣхали комнаты снимать, я показываю, а другого дѣла мнѣ нѣтъ.

Ходитъ, значитъ, мадмуазель Флора съ мужчинами по комнатамъ, осматриваетъ, совѣщается со своими братьями, и замѣчаю я странную вещь. Она называетъ бѣлобрысаго своего брата Евгешей, а черняваго Эрнестулей, и они оба называютъ ее Флорушей. Но другъ-то дружку они называютъ церемонно на «вы».

Я это сразу примѣтилъ, но мнѣ, какъ говорится, ни къ чему, потому что мнѣ интересно первѣе всего сдать комнаты.

Осмотрѣли, присѣли въ саду подъ каштаномъ, и Флора Сюсюкина мнѣ говоритъ:

— Мнѣ ваша дачка нравится и сами вы господинъ, повидимому, очень симпатичный, но только дѣла у насъ не выйдеть. Обо мнѣ рѣчи нѣтъ. Я въ маленькой комнатѣ великолѣпно помѣшусь. Но большая то комната у васъ недостаточно просторна, чтобы въ ней могли помѣститься два чужихъ другъ другу мужчины.

Я подумалъ, что я ослышался и осторожнѣе, говорю:

— Мнѣ почудилось, что вы г. Сюсюкина представили мнѣ какъ вашего родного брата?

— Совершенно вѣрно, — отвѣчаетъ Флора. — Вамъ это не послышалось, а оно такъ и есть. Евгеша мой родной братъ.

Тогда я говорю:

— Но мнѣ еще послышалось, будто вы сказали при томъ же представленіи, что г. Эрнестъ Лягавый тоже вамъ родной братъ.

— Совершенно вѣрно, — отвѣчаетъ Флора, — я такъ сказала и отъ словъ своихъ не отрекаюсь, ибо сказала правду. Эрнестуля мой родной братъ.

— Тогда, — сказалъ я, — немножко не понимаю. Ежели, простите за фамильярность, — Евгеша вамъ родной братъ и Эрнестуля вамъ родной братъ, такъ они и меж-

ду собою родные братья. А разъ они родные братья, то какъ понимать ваше заявленіе, что комната у меня недостаточно велика, чтобы въ ней могли размѣститься двое постороннихъ другъ другу мужчинъ? Вы тутъ что-то, извините за дерзость, — напутали, навѣрно отъ жары.

Тутъ вступаетъ въ разговоръ Евгеша:

— Вы, говоритъ онъ, милостивый государь, осторожнѣе въ выраженіяхъ. Вы что же это хотите намекнуть, что у Флорочки отъ жары мозги, что-ли, размякли? Имѣйте въ виду, что я голову оторву всякому нахалу, который посмѣетъ сказать дерзость моей любимой родной сестрѣ.

А за Евгешей поднимается и Эрнестуля и тоже кричитъ на меня:

— А я такъ не только голову оторву, кто посмѣетъ обидѣть мою родную сестру Флорочку, но и ноги-руки переломаю.

Я этакъ отошелъ маленько въ сторону, подальше отъ грѣха, а Эрнестуля на меня. Я за дерево, а Эрнестуля съ угрожающимъ видомъ въ обходъ на меня идетъ. Я посмотрѣлъ на Флору, — она сидитъ и смѣется и, видно, ничего ровню не собирается предпринять.

Тогда я вопію къ Евгешѣ:

— Послушайте, — говорю, — я сейчасъ караулъ закричу, если вы не уйдете вашего брата. Будьте любезны! Если у вашего брата печенка не въ порядкѣ или его бѣшеный жукъ укусилъ, такъ вы должны схватить его за фалды, а не позволять ему скандалы строить.

А Эрнестуля-то проклятый взялъ какую-то палку и со спины ко мнѣ подходитъ.

Евгешей же этотъ преспокойно скреживающій на груди руки, садится рядомъ съ Флорой, обнимая ее за талию и говоритъ мнѣ:

— Вы имѣли бы полное право обратиться ко мнѣ за защитой, еслибы на васъ напал и собирался закатить вамъ веселенькую смазь мой родной братъ. Разумѣется, я тогда ни въ какомъ случаѣ этого не допустилъ бы, вразумилъ моего брата, а при надобности и спокойно взялъ бы его за руки или оттузилъ бы его. Не скандалъ, молъ, брагинка. Но въдѣ моя родная сестра Флора уже, кажется, русскимъ языкомъ объяснила вамъ, что Эрнестъ (ея родной братъ) мнѣ вовсе не братъ, а человѣкъ совершенно чужой по крови. Такъ какъ же вы хотите, чтобы я вмѣшался въ вашу перепалку съ совершенно чужимъ мнѣ челонѣкомъ? Я не имѣю никакого права пренятствовать Эрнесту дѣлать ему что ему вздумается. Онъ мнѣ ровно такой же посторонній человѣкъ, какъ вы, г. Штучкинъ.

Я сдѣлалъ прыжокъ, достойный горного козла, вскочилъ на террасу и забаррикадировался перекладиной. Тутъ Эрнестуля мнѣ былъ больше не страшнѣе, да къ этому времени и пылъ его какъ-то остылъ.

Я могъ каждую секунду запереть дверцу, которая вела на террасу, и я рѣшилъ показать этимъ страннымъ панимателямъ, что они не на дурака напали.

— Послушайте, г. Эрнестъ, — сказала я, — если вашъ воинственный пылъ прошелъ не окончателно, вы бы правильно сдѣлали, наостылявъ шею вашему Евгешѣ, который такъ пекрасиво отрекается отъ васъ, отъ своего родного брата.

Я думалъ, что Эрнестуля сейчасъ схватитъ камень и запуститъ имъ въ меня, но онъ, видно, совсѣмъ усмирилъ свой темпераментъ гнучаго bruneta, потому что онъ спокойно усялся по другую сторону своей

сестрицы Флоры и тоже обнялъ ее.

— Вы удивительно упорный человѣкъ, г. Штучкинъ, — сказалъ онъ, — и столь же тупой. Вамъ моя родная сестра Флора и ея родной братъ Евгеша два раза уже сказали, что мнѣ, Эрнесту, родному брату Флоры, Евгений, родной братъ Флоры, — совершенно чужой по крови человѣкъ. А вы все свое талдычите, какъ индюкъ. Сколько же еще разъ надо вамъ сказать, что мы съ Евгешей чужіе люди, чтобы вы, наконецъ усвоили это!

— Сто тысячь разъ, — отвѣтилъ я. — И го мало, и то я не усвою, а не усвою не потому, что я глупъ, а потому, что вы мелете ерунду на постномъ маслѣ. Я разсуждаю какъ здоровый и нормальный человѣкъ, владѣющій всѣми своими способностями. Я разсуждаю такъ: если Евгений родной братъ Флоры и Эрнестъ тоже родной братъ Флоры, то и между собою Евгений и Эрнестъ родные братья. И что бы вы ни говорили, это такъ, и иначе быть не можетъ.

И такъ какъ я очень разсердился на всю эту исторію и главное на попытку этихъ господъ обморочить меня, какъ дурака, или какъ маленькаго, я закончилъ свою рѣчь какъ Агафья Тихоновна въ «Женитьбѣ» Гоголя:

— Пошли вонъ, дураки!..

И заперъ дверь, на случай наступательныхъ дѣйствій, на ключъ.

Но никакихъ наступательныхъ дѣйствій не было. Они всѣ трое переглянулись, и Флора сказала:

— Пойдемте отъ этого тупого человѣка.

И всѣ ушли въ автомобиль и укатили.

Вотъ я вамъ разсказалъ, г.г. читатели, исторію, но самага-то главнаго не разсказалъ еще. А самое то главное вотъ въ чемъ заключается.

Пріѣзжаю я въ среду въ городъ и, конечно, вечеромъ отправляюсь, по обыкновенію, къ Дѣду-Всецвѣду. Расказываю ему во всѣхъ подробностяхъ про этотъ странный случай. Дѣдъ-Всецвѣдъ слушаетъ, куритъ и молчитъ.

А когда я кончилъ, я говорю:

— Ну, что, Иванъ Лукьяновичъ, видали вы когда-нибудь на свѣтѣ подобныхъ мистификаторовъ или, проще сказать, безпардонныхъ вралей?

А Дѣдъ-Всецвѣдъ то и говоритъ:

— Я не понимаю, тебя, Никодимъ. Откуда ты взялъ, что посѣтившіе тебя на дачѣ люди мистификаторы или врали? Какія у тебя имѣются данныя, чтобы такъ отзываться о нихъ? Какъ можешь ты себѣ позволить называть мистификаторами, вѣроятно, весьма почтенныхъ людей?

Языкъ бы тебѣ слѣдовало урѣзать на сантиметръ, Никодимъ, за то, что позволяешь себѣ порочить людей безъ малѣйшихъ къ тому основанийъ.

— Но, Иванъ Лукьяновичъ, — возразить я, — какъ же вы говорите! Въдѣ они же нагло соврали мнѣ. Въдѣ не можетъ же быть, чтобы оба родныхъ брата одной и той же дѣвушки были другъ другу не братьями. Въдѣ это противорѣчитъ здравому смыслу, логикѣ... да всему на свѣтѣ...

Зубной врачъ Пар. Мед. фак.

M. C. САРЧЪ

8, rue Dombasle, M^o Convention.

Пріемъ отъ 10-1 ч. и отъ 3-8 ч. веч.

Assurances sociales

Собств. лаборат. Tél.: Vaug. 78-44.

— Ничему это не противорѣчить, — возразилъ Дѣдъ-Всеѣдъ. — Это очень можетъ быть. Ничего въ этомъ нѣтъ невозможнаго, и происхождение этой аномалии можно очень легко объяснить.

— Но какъ объяснить? — вскричалъ я.

— А ужъ это ты самъ пошевели мозгами, — отвѣтилъ Дѣдъ-Всеѣдъ и ушелъ спать, оставивъ меня съ Ариной Карповной.

Дорогіе читатели «Илл. Россіи»! Выручите! Объясните! А ужъ я охотно съ своей стороны исплочу читателю, который наивразумительнѣе объяснитъ мнѣ эту аномалию, въ видѣ преміи хорошую книжечку.

М. Алдановъ «Св. Елена—маленькій островъ»

Конверты по этому конкурсу будутъ вскрыты и премія присуждена ровно на 21 день послѣ выхода въ свѣтъ настоящаго номера журнала.

Никодимъ Штучкинъ.

Льеръ Бенуа

Альберта

РОМАНЪ

Авторизованный

переводъ съ французскаго для «Илл. Россіи»

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ ПРЕДЫДУЩИХЪ ГЛАВЪ.

Альберта, находясь въ домѣ предварительнаго заключенія, посылаетъ своему защитнику тетрадь, въ которой разсказываетъ свою жизнь и исторію совершеннаго ею преступленія. Послѣ смерти мужа, котораго она не любила, она поселилась въ своемъ имѣніи, куда къ ней пріѣзжаетъ ея дочь Камилла со своимъ женихомъ Францемъ. Постепенно Альберта замѣчаетъ, какъ она духовно перерождается. Одновременно мѣняется и ея физическій обликъ. Она начинаетъ слѣдить за собой и лучше одѣваться. Постепенно между нею и Францемъ возникаетъ чувство взаимнаго интереса. Камилла какъ будто догадывается объ этомъ, но ничѣмъ своихъ подозрѣній не обнаруживаетъ. Тѣмъ не менѣе день свадьбы назначается. Альберта приноситъ вѣсть объ этомъ Францу въ отсутствіи дочери, и это открываетъ возможность молодому человѣку дать волю своимъ чувствамъ.

9-ое ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Онъ ходилъ вездѣ и впередъ по комнатѣ, какъ зивѣрь въ клеткѣ, не заботясь о томъ, что отрывистыя фразы, которыя онъ произносилъ, могутъ быть слышны еще кому-нибудь. Наконецъ, онъ упалъ къ своимъ ногамъ. Онъ сжалъ меня въ своихъ объятіяхъ. Я чувствовала, какъ никогда до тѣхъ поръ, всю его силу и всю слабость.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Никогда, никогда!

Я не старалась вырваться изъ его объятій. Я пролила въ этотъ день достаточно кровавыхъ слезъ, я была увѣрена, что выполнила свой долгъ до конца и теперь я могла взять безъ всякихъ угрызений этотъ мигъ счастья.

— Никогда! — повторялъ Францъ.

Я чувствовала прикосновенія его рукъ, какъ будто мое тѣло было обнажено. Мы говорили, не отрывая нашихъ губъ. Время ложнаго стыда прошло. Насталъ моментъ сказать все. И я все говорю. Я ничего не уменьшаю, ничего не скрываю.

— Это невозможно, невозможно.

— Это не невозможно, это неизбежно. 27 октября, Францъ, это будетъ 27 октября. И въ этотъ день все будетъ кончено.

— Но это чудовищно, это преступно! Да, это преступно! Надо меня понять, надо понять, что я никогда не смогу ее любить что я пересталъ ее любить съ того дня...

— Молчите, Францъ, молчите.

И я ласкала и цѣловала, какъ безумная, его голову, которую я такъ любила. Это онъ теперь старался освободиться изъ моихъ объятій, чтобы кричать еще и еще:

— Нѣтъ, я повторяю вамъ, это было бы слишкомъ ужасно. Вѣдь есть какая-нибудь возможность, какой-нибудь способъ...

— Нѣтъ, Францъ, нѣтъ никакого способа...

И я цѣловала его губы, повторяя:

— Нѣтъ, теперь уже ничего нельзя сдѣлать. Даже, если бы

КРОВОЧИСИТЕЛЬ

сущ. съ 1893 г.
СПБ. Колокольная 11.
А В Р А Н И Н Ъ

ИНДИЙСКІЙ БАЛЬЗАМЪ — безвредный растительный сокъ.

Экстрактъ цѣлебныхъ индійскихъ кореньевъ и травъ, соверш. очищаетъ кровь, обновляя и омолаживая орган. (см. фр. газ.), предохраняетъ его отъ преждевременной старости. Индійскій бальзамъ, испытанъ болѣе, чѣмъ 50-ти лѣтъ. практикой, вполне излѣч. въ крат. срокъ упорн. и неподдающ. медицинѣ болѣзни, какъ сифилисъ со всѣми его послѣд. сух. спин. мозга (табесъ), прогр. парал. наложн. бол. экзема, псоріазисъ, люпусъ или волчанка, сикозъ, золотуха, гоноррею (трипперъ), падуч. бол. (эпилепс.), туберкулезъ легкиихъ и костей, малокровіе, половую и общую слабость, желудочн. и кишечн. заболѣванія. Уже послѣ приѣма первой же бутылки на 3-5-й день больнои измуч. болѣзни. чувствуетъ, какъ организмъ наполн. новыми силами и успокаивается нервн. сист., появл. аппетитъ, и норм. сонъ. Объ излеч. этихъ болѣзней имѣются десятки тысячъ нотаріальныхъ и письмен. благодарн. Бальзамъ премир. на европ. выст. и награжденъ пятью зол. мед. Требуется брошюры на вс. яз. Почтов. расх. 2 франка. АВРАНИНЪ, продается въ аптекахъ, а гдѣ его нѣтъ, просятъ обращаться по адресу: LABORATOIRE AVRANINE, 6, rue Maublanc, Paris (15). M-ro: Vauq.

Камилла вернула намъ свободу. Но я ее знаю, вы тоже... Она никогда этого не сдѣлаетъ.

— Тогда что же дѣлать?

Его голосъ сталъ еще болѣе низкимъ, прерывистымъ.

— Что дѣлать? Развѣ я знаю. Надо было бы... Нѣтъ, нѣтъ, ничего не надо.

Въ эту минуту съ дороги донесся звукъ сирены и приближающееся рычаніе мотора. Камилла возвращалась.

— Ничего не надо, Францъ, все кончено. Прощайте.

Мы слышали голосъ Камиллы, которая разговаривала на террасѣ съ Маріей. Въ какомъ состояніи она насъ застанетъ. Я даже не успѣла зажечь лампу въ моей комнатѣ. Но какое значеніе могли теперь имѣть для меня всякія подозрѣнія, намеки, угрозы. Чего еще можно было требовать отъ меня? О, еще одинъ разъ, послѣдній разъ поцѣловать эти глаза, изъ которыхъ такъ скоро исчезнетъ мой образъ!

За объѣдомъ никто не произнесъ ни слова. Я угадывала нѣчто большее, чѣмъ тревогу подъ холодной проніей, которую подчеркивала Камилла. Я была не въ силахъ взглянуть на Франца. Марія, испуганная и молчаливая, ходила на цыпочкахъ.

Какъ голыш она подала десертъ, Камилла поднялась и вышла изъ столовой. Я вышла вслѣдъ за нею.

Я оставалась около получаса у себя въ спальнѣ. Потомъ, не постучавъ, я вошла въ комнату Камиллы.

Она что-то писала. Ея распущенные, свѣтлые волосы покрывали ея плечи. Увидѣвъ меня, она вздрогнула. Бѣдная моя, любимая дѣвочка. Я увидѣла на столѣ, среди бумагъ, ея платокъ, влажный отъ слезъ. Я не могу забыть этой картины. Но со стыдомъ, который ничто не можетъ искупить, я должна сознаться, что въ ту минуту я не почувствовала къ ней никакой жалости.

— Я думаю, ты догадываешься, съ какою цѣлью я была въ гордѣ, — сказала я. Все устроено, — свадьба назначена на 27.

Она подняла голову. Ея губы дрожали, глаза были полны слезъ.

— Прости меня, — тихо сказала она.

Она сдѣлала движеніе, чтобы взять меня за руку, но я какъ будто не замѣтила этого движенія. Что происходитъ въ моей душѣ, когда я думаю, что, если бы въ ту минуту я прижала ее къ своей груди, мы были бы спасены!

— Прощай! — сказала я.

Она стояла посреди комнаты, умоляющимъ жестомъ протягивая ко мнѣ руки. Она показалась мнѣ въ эту минуту такой маленькой, хрупкой, такой жалкой!

— Мама, мама, отчего мы такъ несчастны? — прошептала она.

XV.

Какъ у меня хватало жестокости, въ послѣдніе дни, ничѣмъ не отвѣтивъ на робкія попытки Камиллы возстановить наши прежнія отношенія?

Я никогда не нашла бы отвѣта на этотъ вопросъ, если бы въ моей памяти не сохранились съ потрясающей точностью воспоминанія о томъ смертельномъ страхѣ, въ которомъ я прожила всю слѣдующую недѣлю. Я чувствовала себя побѣжденной, но еще не примирилась со своей участью. Все мое существо протестовало противъ этой странной несправедливости. Я не чувствовала ненависти къ моей дочери, но не могла не видѣть въ ней орудія, которымъ воспользовалась судьба, чтобы нанести мнѣ этотъ незаслуженный ударъ. Я пожертвовала всѣмъ. Должна ли была я припятъ съ улыбкой крушеніе всего, въ чемъ былъ единственный смыслъ моей жизни, только для того, чтобы Камилла не чувствовала угрызений? Да, я должна была. Но у меня не хватало силъ. Самая страшная кара для меня — это вѣчно стоящій передъ моими глазами призракъ Камиллы, чьи вѣрные мольбы я оттолкнула чьи послѣднія слезы я отказалась осушить.

Настроеніе Франца стало для меня загадкой. Послѣ той бурной сцены, которую я описала, послѣ всѣхъ его клятвъ вѣрности и любви, онъ снова впалъ въ апатію, которая даже не казалась

мнѣ мрачной. Онъ не искалъ случая остаться со мною наединѣ и не избѣгалъ быть съ глазу на глазъ съ Камиллой. Правда, они и не добивались этого. Но когда имъ случалось быть вмѣстѣ, казалось, что ему такъ же легко говорить съ нею, какъ раньше. Нѣсколько разъ онъ говорилъ съ нею, при мнѣ и при Маріи, объ устройствѣ ихъ жизни въ Парижѣ. Камилла взглядывала на меня глазами, полными тревоги, и спѣшила переменить тему. Бѣдняжка, съ какимъ нетерпѣніемъ она должна была ждать возможности уѣхать отсюда!

Къ чему только не прибѣгала Камилла, чтобы я простила ей это жалкое счастье! Сколько разъ она старалась уйти подъ какимъ-нибудь предлогомъ, чтобы оставить насъ съ Францемъ однихъ. Но онъ всегда опережалъ ее и уходилъ первымъ. Неужели все было такъ скоро забыто?

На другой день послѣ того, какъ я была въ городѣ, Францъ отправился съ Камиллой въ мэрію и въ тотъ же день мнѣ знакомые передавали, что ихъ видѣли вмѣстѣ и радовались безмятежному счастью, которое было написано на ихъ лицахъ.

«Было бы очень досадно, — говорили мнѣ: — если бы пришлось откладывать дальше свадьбу такой прекрасной пары. Вы, навѣрное, такъ счастливы, глядя на нихъ».

Францъ охотно согласился исповѣдаться. Въ слѣдующій понедельник я отправилась съ ними къ нотариусу, гдѣ они должны были подписать брачный договоръ. Какая нелѣпая и мрачная церемонія. Два молодыхъ существа, передъ которыми была вся жизнь, сходились сюда, чтобы высказывать безконечныя разсужденія о томъ, что будетъ, если одинъ изъ нихъ умретъ!

Не зная разницы, существующей, согласно французскаго закона, между полной общностью имущества, которую устанавливали ихъ договоръ, и общностью прибылей, Францъ просилъ нотариуса точно указать въ договорѣ, что, въ случаѣ его смерти, вся прибыль отъ продажи изобрѣтеннаго имъ автомобиля, принадлежить безспорно Камиллѣ, независимо отъ того, что патентъ на его модель былъ выданъ до подписанія контракта. Я просила самаго давнишняго изъ нашихъ арендаторовъ быть, вмѣстѣ со мною, свидѣтелемъ со стороны Камиллы. Нотариусъ и его помощникъ согласились быть свидѣтелями со стороны Франца.

Свадьба была назначена на 27 октября и за десять дней до этого срока всѣ формальности были выполнены. Въ понедельник, 22-го, мы кончали завтракать, когда Марія доложила, что секретарь мэріи хочетъ меня видѣть.

— Проси его войти, сказала я.

Бѣдняга прошелъ все разстояніе до Магэлона подъ проливнымъ дождемъ и извинялся за свой видъ.

Увидя его, Камилла поблѣднѣла. Францъ совершенно спокойно продолжалъ ѣсть орѣхи.

Я старалась говорить какъ можно болѣе увѣреннымъ голосомъ.

— Чему я обязана удовольствіемъ видѣть васъ, — спросила я.

— Маленькое недоразумѣніе. Господинъ мэръ послалъ меня предупредить васъ. Онъ очень жалѣетъ, что такъ случилось, но онъ ничего не можетъ сдѣлать. Свадьба вашей дочери не можетъ состояться въ субботу, какъ было условлено.

— Почему?

— Намъ только что сообщили изъ префектуры, что засѣданіе комиссіи по пересвидѣтельствуванію призывныхъ 1919 года должно состояться именно въ субботу. Мэръ долженъ принимать участіе въ этой комиссіи. Поэтому, г. мэръ поручилъ мнѣ просить васъ...

— Отложить бракосочетаніе?

— Или назначить его на болѣе близкое число, какъ вамъ угодно. Вы можете выбрать любой день на этой недѣли. Всѣ формальности по оглашенію выполнены. Мы могли бы назначить, примѣрно, на среду.

— Въ среду? Но это послѣ завтра?

— Или какой-либо другой день, сударыня.

— Я бы очень хотѣла. Но вы понимаете, я одна не могу этого рѣшить.

Я растерянно смотрѣла то на Франца, то на Камиллу. Она опустила голову подъ моимъ взглядомъ, но Францъ казался невозмутимымъ. Совершенно спокойнымъ голосомъ онъ сказалъ:

— Что касается меня, то этотъ день мнѣ вполне подходитъ. Вѣдь, у насъ все готово. Не правда ли, Камилла? Огвѣчай-же!

— Я ничего не имѣю противъ, прошептала она, опуская еще ниже голову.

— Но, быть можетъ, священникъ не будетъ свободенъ въ среду?

— Нѣтъ, сударыня, онъ къ вашимъ услугамъ въ этотъ день. Я только что встрѣтилъ его.

— Я не знаю, какъ быть, мы пригласили нѣсколько человекъ къ завтраку...

— О, — сказала Францъ, вѣдь, вы ихъ предупредили, что это будетъ самый простой завтракъ, безъ всякой помпы.

Наставать больше было невозможно.

— Ну, что жъ — съ трудомъ сказала я, — тогда назначимъ на послѣ завтра.

Пусть не ждуть отъ меня точнаго анализа моего душевнаго состоянія въ эти часы, которые еще сегодня кажутся мнѣ самыми неясными во всей моей жизни.

Остатокъ того дня и весь слѣдующій день я работала, не покладая рукъ, выискивая болѣе тяжелую или неприятную работу. Я совсѣмъ затормошила бѣдную Марію, которая то и дѣлала, что бѣжала въ городъ и возвращалась обратно. Камилла могла бы мнѣ помочь въ моихъ приготовленияхъ, но она, бѣдняжка, даже не рискнула предложить мнѣ свою помощь. Франца цѣлый день не было видно. Онъ появлялся только за столомъ, и остальное время не выходилъ изъ своей комнаты. На слѣдующій послѣ визита секретаря мэріи день, утромъ, Марія съ ужасомъ показала мнѣ большую мѣдную вазу, которую Францъ перевернулъ въ пепельницу. Ваза была почти полна. Онъ, очевидно, курилъ одну папиросу за другой, не переставая.

Францъ долженъ былъ вѣнчаться въ визиткѣ, а Камилла въ костюмѣ. Во время войны можно было позволить себѣ такую вольность въ этой странѣ, гдѣ, для свадьбы, фракъ и фата были, въ обычныхъ условіяхъ, совершенно обязательны. Благодаря этому, мнѣ не пришлось думать о вѣнчальной платьѣ Камиллы, отъ заботъ о которомъ отказывается рѣдкая мать. Завтракъ, который долженъ былъ состояться на другой день и на который были приглашены только священникъ и свидѣтели, не требовалъ отъ меня большихъ хлопотъ. Мнѣ пришлось затягивать генеральную уборку всего дома, чтобы какъ-нибудь отвлечься, имѣть возможность не думать. Кстати, нашъ домъ нуждался въ такой уборкѣ. За послѣдніе два мѣсяца, по мѣрѣ того, какъ я посвящала свое время заботамъ о себѣ, я все меньше и меньше занималась своимъ хозяйствомъ. При всей своей преданности, Марія не могла все дѣлать одна. За эти два дня, пренебрегая усталостью, я лихорадочно работала, съ головы до ногъ покрытая пылью.

На другой день къ вечеру моя работа, казалось, была закончена. Темнѣло. Дождь, лившій, не переставая, съ самаго утра, жалобно стучалъ въ окна. Мнѣ нужно было немедленно найти какое-нибудь занятіе, иначе всѣ мои усилія въ теченіе двадцати четырехъ часовъ пропали бы даромъ. Я должна была двигаться, что-то дѣлать, чтобы сбросить съ себя тоску, которую навѣвали на меня эти осеннія сумерки. Мой взглядъ упалъ на длинныя драпировки на окнахъ столовой. Ихъ давно уже пора было хорошенько вытрусить.

Я тотчасъ же рѣшила снять драпировки съ перваго окна. Но я убѣдилась, что, даже поставивъ на столъ стулъ и вскарабкавшись на него, я не смогу ихъ снять. Мнѣ нужна была лѣстница. Единственная лѣстница, которая имѣлась у насъ, находилась въ сараѣ, вмѣстѣ съ садовыми инструментами.

Какъ я уже говорила, со времени прѣзда въ Магэлонъ Камиллы и Франца, этотъ сарай служилъ гаражемъ для ихъ автомобиля. Этотъ деревянный сарай былъ пристроенъ къ правой стѣнѣ нашего дома. Въ немъ было двѣ двери. Одна большая, двустворчатая, выходила въ паркъ. Черезъ нее въѣзжалъ и въѣзжалъ автомобиль. Другая, одностворчатая, со стеклами, была прорублена въ стѣнѣ дома, къ которой примыкалъ сарай. Этой дверью заканчивался коридоръ, метровъ въ пять длинною, другимъ концомъ своимъ упиравшійся въ прачешную, около кухни.

Такъ какъ проливной дождь не прекращался ни на минуту, я, естественно, рѣшила пройти въ сарай за лѣстницей этимъ коридоромъ. Я уже взялась за ручку двери, чтобы открыть ее, когда я увидѣла черезъ стекла Франца.

Стоя на колѣняхъ около мотора своей машины, при дрожаніемъ свѣтлѣ керосиновой лампы, онъ приводилъ въ порядокъ какую-то часть механизма. Онъ стоялъ ко мнѣ спиною и не могъ меня видѣть. Я рѣшила зайти попозже за лѣстницей и на цыпочкахъ вернулась въ прачешную. Во-первыхъ, я не хотѣла мѣшать ему работать и, главное, я боялась, чтобы онъ не подумалъ, что я иду случая говорить съ нимъ въ то время, какъ онъ явно избѣгалъ этого въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ дней.

Около шести часовъ, когда я вынимала изъ буфета длинныя коробки съ вилами и ножами, я услышала на лѣстницѣ шаги Франца. Я съ удивленіемъ увидѣла, что онъ вошелъ въ столовую. Съ тѣхъ поръ, какъ стало холодно, мы пили чай въ столовой. Но въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, послѣ памятнаго разговора за столомъ, мы избѣгали встрѣчаться за чаемъ.

— Брр, какъ я продрогъ наверху, — сказалъ Францъ, потирая руки. Я съ удовольствіемъ выпилъ бы чашечку чаю. Что за погода!

(Продолженіе слѣдуетъ)

Перев. съ французскаго Р. Л — на.

3 АВГУСТА с. г. ВЫИДЕТЬ

Купальный номеръ (32)

„Иллюстрированной Россіи“

Какъ проводятъ лѣто наши писатели и артисты. — Лѣтніе очерки и репортажи. — Множество иллюстрацій.

Клиника для рожениц напротив парка Buttes Chaumont

Въ Клиникѣ принимаютъ извѣст. франц. и русск. профессора. Консульт. ежедневно отъ 1-3 ч. поп. и отъ 6-8 веч. Assurances Sociales
6, rue de l'Atlas, 6. Métro: Belleville, tél. Nord 46-65

САМАЯ ВЫГОДНАЯ УСЛОВІЯ

ФРАНКО-РУССКАЯ КЛИНИКА д-ра Г. ЭТТИНГЕРА

168-ter, AV. DE NEUILLY, Neuilly s/S. — TEL.: MAILLOT 95-50.

Постоянныя кровати. При клиникѣ круглыя сутки находится врачъ. Консультация извѣстныхъ профессоровъ. Плата за содержание стационарныхъ больныхъ отъ 40 фр. въ сутки. Приемъ роженицъ. Тщательный уходъ. Полный комфортъ. Рентгеновскій кабинетъ. Ультра-фиолет. лучи. Свѣтотопныя ванны. Haute fréq. Диатермия. Курсъ общаго и частичнаго худѣнія. Справки лично и письменно по первому требованію.

Профессоръ

Е. М. Вайнштейнъ

АКУШЕРСТВО и ЖЕНСК. БОЛ. (ХИРУРГІЯ)
4, SQUARE THIERS (уг. 155, av Victor-Hugo), Passy 80-30.
Приемъ отъ 5-7 час. и по соглаш.

Прис. Повѣр. П. С. ШИРСКІЙ

Бухгалтерскій, юридическій и фискальный кабинетъ
Веденіе торговыхъ книгъ, mise a jour, балансы, отчеты, экспертиза. — Суд. и Админ. дѣла, Учрежденіе Обществъ, Контракты, Натурализация. — Проверка окладныхъ листовъ (бесплатно), Налоговая заявленія, жалобы.
5-7 час. Tél.: Carnot 31-94. rue Barye 5 (17 arr.). Métro: Wagram et Courcelle.

Пар. Ун.

Марія Ник. СОПРУНОВА

Д-ръ Мед.
Моск. Ун. Берл. Ун. кл. пр. Штрасмана.
ЖЕН. БОЛ. и АКУШЕРСТВО. Еж. 2-4 ч.
11, Av. Motte-Picquet. Ségur 69-74.

РУССКАЯ СРЕДНЯЯ ШКОЛА ВЪ ПАРИЖѢ

XV учебный годъ. имени леди Лидіи Павловны Детердингъ. XV учебный годъ.
(ГИМНАЗІЯ и РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ)
29, Boul. d'Auteuil, Boulogne-s.-Seine (Métro: Porte d'Auteuil ou Molitor)
Приемъ во всѣ классы (два пригготовительныхъ: I-VIII).

Ecole d'Optique Médicale

готовить на дипломъ по медицинской оптикѣ, т. е. какъ лечить аномалии зрѣнія при помощи оптическихъ приѣмовъ, а также спец. курсы для врачей, желающ. усовершенствоваться въ рефракціи. Курсы отъ 6 до 10 мѣс. подъ руков. изв. франц. и рус. врачей-специалистовъ. Тамъ же приемъ по глазнымъ болѣзнямъ по больнич. цѣнамъ.
79-81, Boulevard de Grenelle, Paris (15), отъ 4 до 7 ч.

Ресторанъ "La Buissonnière"

88-bis, Avenue Kléber. Tél.: Kléber 97-13.
ИЗЫСКАННАЯ КУХНЯ

Завтраки..... 22 фр. à la carte
Обѣды..... 25 фр. à la carte

LOTÉRIE NATIONALE

La Banque Française (CAPITAL Frs : 25.000.000)

45-47, RUE VIVIENNE, PARIS (Reg. Comm. Seine 72804)

Десятая часть билета -- 10 фр.

Всѣ выигрыши, включая и 200 фр., выплачиваются

полностью и безъ всякаго удержанія.

БОЛЬШОЕ ПОНИЖЕНІЕ ЦѢНЪ

Посылайте продукты въ Россію

ГАРАНТИРУЕМЪ КАЧЕСТВО И ДОСТАВКУ
ВЪ РОССІЮ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 15 ДНЕЙ

НЕОБХОДИМѢЙШІЕ ПРОДУКТЫ:

Чистый вѣсъ посылки до 8,5 кило

Цѣны за кило со
всѣми безъ исклю-
ченія расходами.

Мука пшеничная	4.70
Манная крупа	7.—
Гречневая »	5.—
Перловая »	4.25
Пшено	3.90
Рисъ 1 сортъ	9.—
Макароны, вермишель	7.—
Сахаръ-рафинадъ	9.50
» песокъ	8.50
Молоко сгущен. 1000 гр.	12.—
Масло сливочн.	21.—
» подсолнечное	12.—
Сыръ Швейцарскій	24.—
Сало топленое	22.—
Колбаса	26.—
Грудинка	19.—
Шпроты 300 гр.	8.—
Кильки 400 гр.	9.—
Скумбрія 250 гр.	4.50
Какао 250 гр.	16.—
Шоколадъ плитками 200 гр.	10.—
Чай 200 гр.	19.—
Кофе Мокко 1 кило	45.—
Мыло хозяйств.	10.—
Печенье 500 гр.	7.—
Варенье 500 гр.	7.—

Заказы и деньги могутъ высылаться :
« La Russie Illustrée », 24, rue Clément-Marot, VIIIe — наличными, чекомъ или почтовымъ мандатомъ, или взносомъ на нашъ почтовый текущій счетъ № 671-81.

Если вы хотите помѣстить Ваше объявленіе въ «Иллюстрир. Россію», позвоните по тел. BALZAC 19-52 и къ Вамъ немедленно явится агентъ отд. объявленій.

ОТКРЫТА полугодовая подписка

на самый большой русский иллюстрированный журнал, издающийся в Парижѣ,

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

1-ое) на 26 номеров журнала безъ приложений и 2-ое) на 26 номеров журнала и 52 книги приложения

52 книги приложений "Иллюстрированной Россіи" состоятъ изъ:

19 кн. — ОКОНЧ. ПОЛН. СОБР. СОЧ. Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО, 20 кн. — ОКОНЧ. ПОЛН. СОБР. СОЧ. Л. Н. ТОЛСТОГО, 5 кн. — ОКОНЧ. ПОЛН. СОБР. СОЧ. Н. В. ГОГОЛЯ, 1 кн. — СКАЗКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ А. С. ПУШКИНА, 1 кн. — РАЗСКАЗЫ МАЙНЪ-РИДА, 2 кн. — «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА, 1 кн. — ОКОНЧАНИЕ «ВОСПОМИНАНІЙ» ВЕЛ. КН. АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА, 2 кн. — МОРСКІЕ РАЗСКАЗЫ «ФЛОТЪ» А. П. ЛУКИНА И 1 кн. — ОЧЕРКИ «БУРСЫ» Н. ПОМЯЛОВСКАГО.

ВСЕГО 52 КНИГИ

ОТПЕЧАТАНЫ НА ХОРОШЕЙ БУМАГѢ ЧЕТКИМЪ ШРИФТОМЪ ВСЕГО ОКОЛО 10.000 СТРАНИЦЪ.
Подписка на приложения принимается только на полный годичный комплектъ, т. е. на 52 книги, во избѣжаніе разрозненности авторовъ.

ЦѢНА ЗА ПОЛУГОДИЕ

№№	Безъ приложений					Съ приложениями					
	Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣ европ. страны	Сѣв. Амер. и Дальн. Вост.	Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣ европ. страны	Сѣв. Амер. и Дальн. Вост.	
26 №№ жур. и 52 книги приложений	60 фр.	75 фр.	21 зл.	100 фр.	85 фр. или въ долл. по курсу дня	225 фр.	300 фр.	105 зл.	325 фр.	290 фр. или въ долл. по курсу дня	
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.											
подп. сь 1 августа 5 мѣсяцевъ ежемѣс. по	10 фр.	15 фр.	3,5 зл.	25 фр.	25 фр.	100 фр.	125 фр.	30 зл.	150 фр.	115 фр.	
1 августа 5 мѣсяцевъ ежемѣс. по	10 фр.	12 фр.	3,5 зл.	15 фр.	12 фр. или въ долл. по курсу дня	25 фр.	35 фр.	15 зл.	35 фр.	35 фр. или въ долл. по курсу дня	

Подписчики получаютъ сейчасъ 26 книгъ и еженедѣльно по 1 книгѣ.

Подписчики съ приложениями, внесшіе всѣ деньги сразу впередъ, получаютъ 2 книги премій

Спеціальная подписка съ двухгодичными приложениями

Для новыхъ подписчиковъ, желающихъ теперь же получить также и I серію Полн. Собр. соч. Достоевскаго, Толстого, Гоголя, Некрасова и др. 48 кн., выданныхъ въ 1933 г.,

Открыта спеціальная полугодовая подписка на 26 № журналовъ и 100 книгъ двухгод. приложений (1933 и 1934)

34 кн. — ПОЛН. СОБР. СОЧ. Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО, 34 кн. — ПОЛН. СОБР. СОЧ. Л. Н. ТОЛСТОГО, 10 кн. — ПОЛН. СОБР. СОЧ. Н. В. ГОГОЛЯ, 3 кн. ПОЛН. СОБР. СОЧ. Н. А. НЕКРАСОВА, 2 кн. — «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА, 3 кн. — ВОСПОМИНАНІЯ ВЕЛ. КН. АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА, 2 кн. — «КРУШЕНІЕ ВЕЛИКОЙ ИМПЕРІИ» МИССЪ БЬЮКЕНЪ, 4 кн. — ДЛЯ ДѢТЕЙ: СОЧИН. А. С. ПУШКИНА, МАЙНЪ РИДА, САШИ ЧЕРНАГО И СКАЗКИ «КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ» ЕРШОВА, 2 кн. — МОРСКІЕ РАЗСКАЗЫ «ФЛОТЪ» А. П. ЛУКИНА, 2 кн. » СБОРН. ПО ИСТОРИИ АНТИБОЛЬШ. ДВ. «БЫЛОЕ» ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В. Л. БУРЦЕВА, 3 кн. — ПРОИЗВЕДЕНІЯ СОВ АВТОРОВЪ: МИХ. ЗОЩЕНКО, БОР. ПИЛЬНЯКА И ВЯЧ. ШИШКОВА, 1 кн. — ОЧЕРКИ «БУРСЫ» Н. ПОМЯЛОВСКАГО.

ВСЕГО 100 КНИГЪ, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ свыше 20.000 стр. на плотной бумагѣ.

УСЛОВІЯ СПЕЦІАЛЬНОЙ ПОДПИСКИ НА 26 № и 100 КНИГЪ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ НА ДОМЪ:

26 №№ и 100 книгъ	Франція и колоніи	Европа	Польша	Внѣ европ. страны	Сѣв. Амер. и Дальн. Вост.
	380 фр.	510	190 зл.	550	510
ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА					
При подп. сь 1 августа 5 мѣсяцевъ ежемѣс. по	180 фр.	235 фр.	80 зл.	250 фр.	235 фр.
	40 фр.	55 фр.	22 зл.	60 фр.	55 фр.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ НЕМЕДЛЕННО 74 КНИГИ И ЕЖЕНЕДѢЛЬНО ПО ОДНОЙ КНИГѢ ДО КОНЦА 1934 г.

ПОДПИСЧИКИ, ВНЕСШІЕ ВСЮ СУММУ СРАЗУ ВПЕРЕДЪ, ПОЛУЧАЮТЪ ОСОБУЮ ПРЕМІЮ 5 КНИГЪ.

Бесплатныя преміи :

Всѣмъ читателямъ въ теченіи всего 1934 г. мы предоставляемъ бесплатную премію въ 120 цѣлыхъ билетовъ Французской Національной Лотереи

1) Всѣ, подписавшіеся въ ІЮЛЬ, ПОЛУЧАТЬ БЕЗПЛАТНО ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ.

Сенсаціонный романъ Н. Н. Брешко-Брешковскаго

“Стависскій - король чековъ”

2) Всѣмъ читателямъ бесплатная премія 25 цѣлыхъ билетовъ Франц. Нац. Лотер.

2го двойного тиража 1934 года

СПИСОКЪ НОМЕРОВЪ И СЕРІИ 2 ВЫПУСКА БУДЕТЪ ОПУБЛИКОВАНЪ ВЪ БЛИЖАЙШЕМЪ НОМЕРЪ.

Означенные 25 билетовъ получаютъ въ СОБСТВЕННОСТЬ всѣ наши АБОНЕНТЫ на 1934 г. и тѣ, которые подпишутся на 1934 г. до розыгрыша 2-го тиража, а также розничные покупатели, которые вырѣжутъ и представятъ 5 ОСОБЫХЪ БОНОВЪ, напечатанныхъ, начиная съ 28 № журнала.

ВСѢ МОГУЩЕ БЫТЬ ВЫИГРЫШИ НА 25 БИЛЕТОВЪ ДѢЛЯТСЯ МЕЖДУ ВСѢМИ ЧИТАТЕЛЯМИ:

Всѣ розничные покупатели (представшіе 5 купоновъ-бон.) получаютъ каждый по 1 долѣ; всѣ подписчики безъ приложений — по 3 доли; съ приложениями — по 5 долей; съ двугод. прил. — по 7 долей. Всѣ выигрыши, кои могутъ придтись, будутъ оаспредѣлены пропорціонально долямъ и вручены собственникамъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ, а также чекомъ, почтовымъ мандатомъ, или взносомъ на Chèques postaux 671-81 à Paris. , а также у представителей на мѣстахъ.

“La Russie Illustrée”

24, Rue Clément - Marot, Paris(8^e) tél. Balzac 19 - 52

Также можно, извѣщая насъ открытымъ письмомъ, вносить въ мѣстной валютѣ по курсу дня:

Въ Польшѣ P. K. O. 190-151. Warszawa.
Въ Латвіи Pasta Tekosu Rekinu Riga № 4712.
Въ Югославіи Postanska Stedioniza Belgrade № 66542.
Въ Эстоніи Posti Jooksey arve Tallin № 253.

Въ Германіи Postschekkonto-Berlin № 149081.
Въ Чехословакіи Postovni Sportelna Praha № 79911.
Въ Греціи Banque Nationale de Grèce. Siège social, Athènes.

Абонируясь, вы платите значительно дешевле и срочню получаете на домъ.